

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

РИНЦ

№ 3(5)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ**

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам V международной заочной
научно-практической конференции*

№ 3 (5)
Апрель 2017 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2017

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Лобазова Ольга Федоровна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва;

Мащитько Сергей Михайлович – канд. филос. наук, доц. кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Беларусь, г. Минск;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам V междунар. заочной науч.-практ. конф. – № 3 (5). – М.: Изд. «МЦНО», 2017. – 106 с.

ISSN 2542-128X

Сборник входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2017

Оглавление	
Раздел 1. История и археология	5
1.1. Отечественная история	5
РЕФОРМА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ В СТОЛИЦЕ	5
Снятков Алексей Николаевич	
Раздел 2. Социология	11
2.1. Экономическая социология и демография	11
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ МАЛОГО БИЗНЕСА В ПРЕОДОЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ	11
Ступина Диана Дмитриевна	
Раздел 3. Юриспруденция	18
3.1. Гражданский процесс; арбитражный процесс	18
ОСПАРИВАНИЕ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА	18
Сериков Юрий Алексеевич Михновец Ольга Андреевна	
3.2. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	26
ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	26
Мантулина Оксана Олеговна	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ВИНЫ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	38
Пархоменко Людмила Владимировна Колбасина Людмила Павловна Мирошнкова Екатерина Дмитриевна	
АКТУАЛЬНЫЕ РИСКИ СТОРОН АРЕНДНОГО ДОГОВОРА	44
Руханов Дмитрий Сергеевич	
ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА	60
Шляхтин Игорь Сергеевич	

3.3. Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право	67
КУРОРТНЫЙ СБОР	67
Мустафина Светлана Анатольевна	
Колодкина Анастасия Андреевна	
3.4. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	71
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	71
Аминов Ильдар Ринатович	
Ахунов Денис Русланович	
НОРМОТВОРЧЕСТВО В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	77
Квач Сергей Сергеевич	
Абдуллина Екатерина Фаритовна	
3.5. Трудовое право; право социального обеспечения	81
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА	81
Ширяева Елена Анатольевна	
3.6. Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право	87
ПРЕСТУПНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ	87
Варыгин Александр Николаевич	
Иргужаев Адихан Уалиханович	
3.7. Финансовое право; налоговое право; бюджетное право	93
ОСОБЕННОСТИ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЯ ПО НАЛОГОВЫМ СПОРАМ	93
Женетль Светлана Закошуовна	
Ковалевская Яна Константиновна	
ВОПРОСЫ ДОСТАТОЧНОСТИ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	99
Жутаев Алексей Сергеевич	
Ширяева Яна Ризвановна	
Минина Елена Викторовна	

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РЕФОРМА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ В СТОЛИЦЕ

Снятков Алексей Николаевич

*преподаватель Военного университета МО РФ,
соискатель учёной степени кандидата исторических наук
Тамбовского государственного технического университета,
РФ, г. Тамбов*

REFORM OF THE PHYSICAL MANAGEMENT SYSTEM CULTURE AND SPORTS IN THE CAPITAL

Alexey Snyatkov

*lecturer at the Military University of the RF Ministry of Defense,
applicant of the scientific degree of Candidate of Historical Sciences
of Tambov State Technical University,
Russia, Tambov*

Аннотация. В данной статье рассматривается формирование и развитие системы управления физической культурой и спортом в 1990-2000 годах в столице. Анализируются основные направления деятельности органов законодательной и исполнительной власти города в области физической культуры и спорта.

Abstract. In this article, the formation and development of a system for managing physical culture and sports in the years 1990-2000 in the capital is considered. The main directions of activity of the legislative and executive authorities of the city in the field of physical culture and sports are analyzed.

Ключевые слова: система управления; комитет по физической культуре и спорту; социальная политика; развитие физической культуры; сфера деятельности; недостатки.

Keywords: control system; Committee on Physical Culture and Sports; social politics; Development of physical culture; field of activity; limitations.

В новых социально-политических условиях развития страны, система организации и управления физической культурой и спортом стала претерпевать существенные изменения. В связи с этим в целях улучшения и дальнейшего развития физической культуры в конце 1991 г. был ликвидирован Комитет по физической культуре и спорту исполкома Моссовета. Взамен него был создан Комитет по физической культуре и спорту города Москвы (Мосгорспорткомитет). На вновь образованный Комитет были возложены функции оперативного управления имуществом государственных предприятий и учреждений физической культуры и спорта, подведомственных Моссовету.

В Положении о Мосгорспорткомитете указывалось, что Комитет является органом государственного управления физической культурой и спортом в городе Москве и обеспечивает практическую реализацию политики Правительства Москвы в области физической культуры и спорта. На комитет возложены обязанности за организацию физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы среди населения, эффективное использование и развитие материально-технической базы, осуществление мер по социальной защите интересов москвичей, занимающихся физической культурой и спортом [4, д. 1395, л. 83].

Во исполнение данного распоряжения до конца 1991 г. была прекращена деятельность районных комитетов по физической культуре и спорту, назначены председатели комитетов в административных округах, утверждена структура окружных спорткомитетов.

Также была утверждена новая организация физической культуры и спорта в г. Москве, вошедшая в единую систему Госкомспорта России. В нее были включены: Мосгорспорткомитет (в его непосредственном подчинении находились: городские спортивные общества и ведомства; городские федерации по видам спорта, объединения; городские муниципальные спортсооружения); комитеты по физической культуре и спорту административных округов столицы (в непосредственном подчинении: спортшколы, спортклубы, спортсооружения и др.); отделы по физической культуре и спорту муниципальных округов (в непосредственном подчинении: физкультурно-спортивные клубы, школы и группы здоровья, спортплощадки для занятий населения и др.).

В соответствии с созданной организационной системой в городе была проведена инвентаризация основных фондов предприятий и учреждений физической культуры и спорта, определена схема их размещения в границах созданных административных округов. В конце 1991 г. от районных комитетов по физической культуре и спорту Мосгорспорткомитетом были приняты на свой баланс здания, сооружения, оборудование организаций и учреждений сферы физической культуры и спорта.

Одновременно реформировалась и система управления физической культурой и спортом. Прежде всего, был изменен порядок финансирования соответствующих городских организаций и учреждений, которые с сентября 1991 г. получали необходимые денежные средства из Фонда развития физической культуры и спорта Мосгорспорткомитета. Этот фонд формировался за счет средств городского бюджета, реализации спортивных лотерей, добровольных взносов предприятий, организаций и отдельных граждан других, в том числе валютных, поступлений.

Эти и другие просчеты в проводимой работе, как свидетельствует анализ архивных документов, привели к тому, что в первой половине 1990-х гг. не удалось преодолеть депрессию в развитии физкультуры и спорта. Оставалось недостаточно высоким материально-техническое обеспечение отрасли, неоправданно медленно внедрялись современные методики учебно-тренировочного процесса с использованием научного потенциала города, был слабым контроль за работой специалистов и тренеров. Не давали должного эффекта меры по созданию штатных команд и клубов при федерациях по видам спорта. Недостаточно продуманная организационная структура, отсутствие инвентаря высокого качества явились сдерживающими факторами в подготовке спортивного резерва [3, с. 2-6].

Как определенный шаг вперед в преодолении указанных недостатков следует отметить, что в соответствии с Постановлением Московской городской Думы от 13 апреля 1994 г. № 30 «Об утверждении Положений о комиссиях Московской городской Думы» была образована Комиссия Мосгордумы по социальной политике.

Одним из основных направлений деятельности Комиссии были определены физическая культура и спорт.

Функции комиссии в этой сфере были определены следующим образом: инициативная разработка проектов документов и предложений по проблемам физкультуры и спорта, внесение подготовленных документов на заседания Думы, в городскую администрацию и государственные органы; подготовка предложений по осуществлению

Думой контрольных функций за деятельностью органов городской администрации в области физической культуры и спорта; организация взаимодействия с другими структурными подразделениями Думы, органами местного самоуправления, относящимися к физкультурно-спортивной сфере; а также сбор и анализ информации по проблемам физической культуры, документирование ее деятельности и предоставление материалов о работе комиссии депутатам Думы и др.

В Законе города Москвы от 26 июня 1996 г. № 20 «О физической культуре и спорте» впервые на законодательном уровне была определена компетенция города Москвы в сфере управления физической культурой и спортом.

Так, к основным направлениям деятельности органов законодательной и исполнительной власти города было отнесено: формирование, поддержка и стимулирование городской системы управления физкультурно-спортивным движением; создание единой системы информационного обеспечения в области физической культуры и спорта; создание комиссий по вопросам, отнесенным к их компетенции, определяемой вышеназванным Законом, и некоторые другие [1, с. 4-8].

В середине июля 1996 г. в связи с изменением структуры Мэрии Москвы – введением комплексов городского управления по различным направлениям ее деятельности – Комитет по физической культуре и спорту был введен в структуру Комплекса социальной сферы города Москвы [4, д. 1395, л. 83].

В сентябре 1996 г. районная Управа в городе Москве была наделена правами органа местного самоуправления. В соответствии с этим к функциям и полномочиям районных управ было отнесено содержание и ремонт объектов социально-культурного и бытового назначения, взаимодействие с военным комиссариатом по вопросам призывной работы, включающие в том числе и вопросы спортивно-массовой подготовки призываемого контингента, а также представление префекту административного округа предложений по строительству спортивных сооружений.

Среди полномочий главы Управы необходимо выделить организацию физкультурно-оздоровительной работы среди населения, осуществление мероприятий по реализации городских и окружных программ в области физической культуры, содержанию спортивной базы [2].

В соответствии с Постановлением Московской городской Думы от 3 июня 1998 г. № 61 было утверждено новое Положение о Комиссии Мосгордумы по социальной политике.

В нем были более широко определены полномочия Комиссии как постоянного структурного подразделения Думы. Новым положением явилось то, что на Комиссию были возложены задачи по координации совместной деятельности органов власти города Москвы в области физкультуры и спорта, а также участие Комиссии в разработке планов социально-экономического развития столицы, которое предусматривало подготовку бюджета и контроль за распределением финансовых средств, направляемых на городские программы в сфере физической культуры.

Однако во второй половине 1990-х гг. продолжали иметь место существенные недостатки в системе управления физкультурно-спортивной сферой. Например, Комитет по физической культуре и спорту города отмечал, что в столице отсутствует четкая система управления физкультурно-спортивным движением. Слабым звеном в этой структуре являлись маломощные спорткомитеты административных округов. В городе ощущалась острая нехватка физкультурно-спортивных кадров. Руководители местных органов власти не уделяли должного внимания физическому воспитанию москвичей [5, д. 1677, л. 293-294].

В соответствии с этим в марте 1999 г. были предприняты очередные меры по модернизации системы управления физической культурой и спортом в городе Москве.

Так, на Комитет физической культуры и спорта Правительства Москвы было возложено общее руководство отраслью и координация деятельности всех структур, входящих в сферу физической культуры и спорта города Москвы, а также выработка стратегической политики развития сферы физической культуры и спорта в городе Москве [6, д. 1677, л. 293-294].

В целях обеспечения выполнения поставленных задач Москомспорт в своей структуре образовал и стал осуществлять свою деятельность непосредственно через Управления физической культуры и спорта административных округах столицы, которые должны были обеспечивать в пределах своей компетенции реализацию функций Москомспорта по созданию благоприятных условий для развития физической культуры и спорта на территории административных округов.

Важно подчеркнуть, что развитие системы управления в исследуемый период шло в сочетании вертикальных и горизонтальных инструментов управления. С одной стороны, органы исполнительной власти обеспечивали ее реализацию по всем важнейшим направлениям. Позитивную роль здесь играли созданные окружные центры физической культуры и спорта, которые проводили физкультурно-спортивную работу на окружном и районном уровнях для всех категорий населения.

С другой стороны – происходило делегирование полномочий муниципальным образованиям и спортивным федерациям в сочетании с развитием саморегулируемых основ управления в этих структурах.

Изучение данного вопроса показало также, что система управления в городе Москве в области физической культуры и спорта была направлена на проведение государственной политики в сфере физической культуры и спорта.

Вместе с тем, управленческий процесс был сопряжен с определенными трудностями. Так, не всегда оправданно реорганизовалась система управления отраслью, что сопровождалось определенными организационными сложностями и негативно сказывалось на ее эффективности. Разработка и выполнение городских целевых программ развития физкультуры и спорта постоянно требовали повышения уровня организаторской деятельности, что не всегда обеспечивала существовавшая в исследуемый период времени управленческая система. Недостаточно эффективно развивалось сотрудничество между органами законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, общественными организациями в управлении сферой физкультуры и спорта.

Список литературы

1. «О физической культуре и спорте»: Закон города Москвы от 26 июня 1996 г. № 20 // Тверская, 13. – 1996. – 1–7 авг. С. 4–8.
2. «О районной Управе в городе Москве»: Закон города Москвы от 11 сентября 1996 г. № 28-91 // Тверская, 13. – 21–27 ноября, 1996 (начало). – 28 ноября – 4 декабря (окончание).
3. О структуре Мэрии города Москвы»: Распоряжение Мэра Москвы от 16 июля 1996 г. № 87/1-РМ // Тверская, 13. – 1996. – 8–14 августа. С. 2–6.
4. Центральный архив города Москвы (далее-ЦАГМ). Ф. 758. Оп. 1. Д. 1395. Л. 83.
5. ЦАГМ.Ф. 758. Оп. 1. Д. 1677. Л. 293–294.
6. ЦАГМ.Ф. 758. Оп. 1. Д. 1677. Л. 293–294.

РАЗДЕЛ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ МАЛОГО БИЗНЕСА В ПРЕОДОЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ

Ступина Диана Дмитриевна

*аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет,
РФ, г. Санкт-Петербург*

SOCIAL PRACTICES OF SMALL BUSINESS IN OVERCOMING OF ADMINISTRATIVE BARRIERS

Diana Stupina

*post-graduated student, St. Petersburg State University,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. Публикация посвящена анализу административных барьеров в малом бизнесе и социальных практик по их преодолению. В работе описывается феномен административных барьеров, а также сущность современных социальных практик, которые используют современные субъекты малого предпринимательства для преодоления барьеров.

Abstract. The publication is devoted to the analysis of administrative barriers in small business and social practices for their overcoming. The paper describes the phenomenon of administrative barriers, as well as the essence of modern social practices that are used by modern small business entities to overcome barriers.

Ключевые слова: административные барьеры; малый бизнес; социальные практики; транзакционные издержки; бюрократия.

Keywords: administrative barriers; small business; social practices; transaction costs; bureaucracy.

Малый бизнес выполняет особую роль в экономике, характеризуется повышенной мобильностью и гибкостью к адаптации, обладает повышенной инновационной активностью и зачастую образовывается там, где производственные процессы не могут быть стандартизированы. Также малый бизнес укрепляет социальную стабильность общества, образовывая новые рабочие места и увеличивая слой собственников; финансирует местные бюджеты.

Экономические институты с течением времени реформируются, в том числе это является результатом институциональных инноваций. Накопление капитала в Российской Федерации осуществляется специфическими способами, объясняемыми социалистическим прошлым и высокой долей теневизации экономики.

Современная экономическая обстановка в Российской Федерации характеризуется рискованым характером, а также слабой развитостью институциональных условий, благоприятствующих развитию конкурентной среды. Имеет место высокий уровень неопределенности, также наличие высоких материальных и временных затрат на осуществление процессов обмена, в том числе, таким образом, велика доля транзакционных издержек [4, с. 37].

На пути развития предприятий стоит множество ограничений и препятствий, которые сдерживают увеличение их доли в экономике и увеличению капитализации каждого из них. Одно из ограничений касается доступа экономических субъектов к использованию таких ресурсов, как экономические, правовые, информационные.

Становление барьерности в экономике опосредовано интеграцией бюрократических структур. Бюрократическая организация – наиболее рациональное институционализированное устройство для решения сложных поставленных задач управления в обществе.

Однако такой формальный подход к контролю заставляет сужать видение конкретных ситуаций, сводя все к единому, не взирая на обстоятельства, а также убирает из взаимоотношений все неформальное и личностное.

В качестве общеадминистративной структуры на уровне государственного управления бюрократия становится политически самостоятельной силой, которая может противостоять власти [3, с. 52]. Такая проблема опосредована неэффективным контролем органов государственной власти высших инстанций.

Бюрократия складывается при отношениях управления, где объектом выступают ни вещи, ни люди, а бесчисленные соединения между ними. Тогда собственностью бюрократии является все общественное взаимодействие, которое охватывает аппарат.

Недостаточная рациональность действия госаппарата обеспечивает организованные частные интересы, что приводит к неравномерному распределению ресурсов и обуславливает, таким образом, барьерность экономической системы для различных социальных групп и экономических субъектов.

Таким образом, барьеры появляются исходя из неравномерного распределения ресурсов, будь то ресурсы материальные или властные полномочия, что опосредовано государственным планированием и определением с какой приоритетностью и по каким каналам происходит регулирование. Такие функции и определяют привилегированность одних групп над другими по отношению доступности к ресурсам и их распределению.

Идеи трансакций поспособствуют определению равномерности распределения между различными социально-экономическими группами [1, с. 25]. Различные типы трансакций предусматривают использование законной власти, ограниченной правом и традицией – это является элементами рабочих правил. Рабочие правила контролируют индивидуальное действие, но такой контроль может расширить возможности некоторых индивидов для достижения результатов, требующихся власти, или, наоборот, освободить от принуждения, установленного другими. Государственный же аппарат в этой связи необходим для того, чтобы влиять на распределение экономических выгод.

Итак, распределение денежных средств происходит между различными социально-экономическими категориями. Монопольные организации или корпорации, существование которых опосредовано деятельностью государственных структур, в том числе бюрократических, имеют больше преференций при доступе к ресурсам. Другой стороной, оставшейся в меньшинстве, остаются рыночные организации, в том числе сегмент предпринимательства [8, с. 115].

Рассмотрев взаимодействие капитализма и бюрократии, появилось понимание того, что доступ к благам, ресурсам, возможностям и правам для разных экономических субъектов может быть более-менее свободным или барьерным. Исходя из этого, требуется рассмотрение того, как структурирована экономическая система под влиянием государственного, в том числе бюрократического, управления и как проявляется барьерность в сложившейся конъюнктуре.

Сущность экономики заключается в удовлетворении потребностей общества в условиях ограниченных ресурсов, что требует планирования труда и распределения ресурсов. Именно пути и средства достижения результата являются сутью экономики, а не сам результат, исходя из этого, требуется учитывать издержки на достижение цели, в том числе и административного характера.

Административные барьеры являются наиболее важной проблемой для малого предпринимательства. Наличие подзаконных актов, противоречия законодательства на разных уровнях (федеральный, региональный, местный), большое количество разнообразных проверок, часто без предварительного извещения, существенный объем различной отчетности, неоперативное административное делопроизводство [5, с. 69].

Административные барьеры, рассматриваемые посредством институционального подхода, являются препятствиями, возникающими при осуществлении предпринимательской деятельности, созданными органами государственного управления посредством дополнительных бюрократических процедур, требующих возмездного преодоления.

Административные барьеры существуют на всех этапах жизнедеятельности фирмы и разделяются на две группы по принципу присвоения ренты. Только наличие возможности присвоения ренты дает целесообразность деятельности актора административного барьера, а также делает возможным существование системы административных барьеров.

Административные барьеры «нерентного» характера поддаются корректировке, поскольку отсутствуют участники, лично заинтересованные в их создании и поддержании. А появление данного вида барьеров связано с ограниченной изменением институциональной среды.

Существование административных барьеров влияет на затраты всего общества. В прямом виде они проявляются в розничных ценах, поскольку предприниматели вынуждены добавлять стоимость транзакционных издержек, нацеленных на преодоление административных барьеров, в конечную цену своего продукта. В косвенном - связаны с недопроизводством стоимости и, следовательно, валового внутреннего продукта, из-за неэффективного использования ресурсов по причине несовершенства рынков, отсутствия стимулов к развитию производства, по причине низкого уровня конкуренции; снижения объемов производства и, как следствие, предложения на рынке, что также сказывается на уровне цен, который был бы ниже, если бы объемы производимого были выше [7, с. 58].

Когда бизнес платит ренту из собственных средств, он существенно снижает свою конкурентоспособность. А когда отсутствует конкурентность среди хозяйствующих субъектов, отсутствует и рост благосостояния страны.

Такой сегмент микроэкономики, как малый бизнес играет ведущую роль в развитии экономики страны. Он активно формирует основу социальной стабильности, создает инновации, обслуживает средний и крупный бизнесы и обеспечивает занятость.

Однако на пути развития предприятий стоит множество ограничений и препятствий, которые сдерживают увеличение их доли в экономике и увеличению капитализации каждого из них. Одно из ограничений касается доступа экономических субъектов к использованию таких ресурсов, как экономические, правовые, информационные.

Институциональные барьеры приводят к затратам моральным и материальными их увеличению. Поиск ренты приводит к существенным потерям обществом благосостояния [6, с. 544]. Развитие теории поиска ренты заключается в том, что политики являются активными вымогателями частных рент. Так институт государства откликается на частный спрос на ренты предложением регулирования и выходит на рынок рент с личными интересами.

Но не только извлечение ренты, но и сам факт угрозы изъятия ренты ведет к ряду потерь для общества, выражающихся в снижении отдачи от капитала, снижению ценности капитала как запаса, безвозвратных издержках сокрытия капитала и высокими транзакционными издержками.

В связи с этим необходима реализация государством мер по снижению административных барьеров. С другой стороны, развитие административных барьеров опосредовано низким уровнем правосознания субъектов предпринимательства. Исходя из этого, предпринимателям необходимо повышать компетентность в вопросах их прав. В обратном случае, предприниматели прибегают к формальным и неформальным способам решения. Ограничение доступа разным группам к ресурсам оказывает влияние на поведенческие модели или применяемые практики в институциональной сфере, в результате чего предпринимателям требуется поиск новых решений для оптимизации деятельности своего предприятия.

Отсюда вытекает категория практик. Основопологающим является определение П. Бурдые: «Практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире, следовательно, можно сказать, что практика является изменением социального мира, производимым агентом» [2, с. 234].

Исходя из данного определения, можно сделать заключение, что «практика» по своей природе понятие социальное. А, следовательно, она приводит к социальным изменениям. Таким образом, любая практика, применяемая с использованием социальных, экономических и правовых инструментов, является социальной.

Практики преодоления барьеров могут быть легальными, полулегальными и нелегальными. Легальные практики являются прямыми формальными способами, которые общеприняты государством, экономической системой и обществом. Но зачастую, такие способы несут в себе материальные и нематериальные издержки. Поэтому предпринимателям, которым необходимо преодолеть барьер, предлагаются услуги в полулегальных и нелегальных формах, которые могут сократить их издержки. А целях максимизации прибыли предприятия, такие практики экономическим субъектам кажутся наиболее эффективными.

В основном нежелание отстаивать и защищать законным образом свои права приводит к тому, что предприниматели прибегают к использованию неформальных процедур преодоления барьеров, в основном, таких как обналачивание, крышевание, коррупционная деятельность.

Связи также являются важнейшим элементом в структуре социальных сетей. Дружеские связи и связи знакомства воздействуют на доступ и распространение информации. Поиск связей является необходимым средством в получении информации.

Таким образом, в условиях капиталистической и рыночной экономик существуют как административные барьеры, так и практики по их преодолению.

Развитие предпринимательства – важнейший показатель успешного развития экономики. Решающую роль в развитии малого бизнеса играют институциональные условия, в которых и происходит его рост и развитие. Эти условия могут, как стимулировать рост предпринимательской активности, так и являться причиной оттока экономически активного населения.

Правовой механизм регулирования экономики Российской Федерации требует существенных изменений, как для количественного роста предпринимательских субъектов, так и для качественных изменений, а именно процесса формирования предпринимательских единиц и поддержки их текущей деятельности. Главным позитивным результатом подобных изменений может являться стабильно развивающаяся конкурентная рыночная экономика в инновационном ключе.

Список литературы:

1. Аузан А. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория. - М.: ИНФРА-М, 2011. – 127 с.
2. Бурдые П., Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. - СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. - 576 с.
3. Дегтярев А., Маликов Р. Институциональные факторы создания механизмов преодоления административных барьеров в развитии предпринимательства // Вестник МГУ. Экономика, 2003. - № 6. - С. 41-60.
4. Кевеш А. Малое и среднее предпринимательство в России. 2013 // Стат. сб. Росстат. - М., 2013. – 124 с.
5. Крючкова П. Снятие административных барьеров в экономике (условия и возможности глобальной институциональной трансформации) // Журнал «Вопросы экономики». – М., 2003. - № 11. – С. 65-77.
6. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873 с.
7. Перегудов С. Бизнес и бюрократия в России: динамика взаимодействия // Журнал «Полития». - М., 2007. - № 1. - С. 52-64.
8. Ушаков Д. Административные барьеры и издержки их преодоления в малом предпринимательстве. – Спб, 2005. – 198 с.

РАЗДЕЛ 3.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

3.1. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ОСПАРИВАНИЕ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

Сериков Юрий Алексеевич

*канд. юрид. наук, доц., Уральский филиал
Российского государственного университета правосудия,
РФ, г. Челябинск*

Михновец Ольга Андреевна

*магистрант, Уральский филиал
Российского государственного университета правосудия,
РФ, г. Челябинск*

CHALLENGING A NORMATIVE LEGAL ACT

Yury Serikov

*candidate of legal sciences, assistant professor,
Ural Branch Russian State University of Justice,
Russia, Chelyabinsk*

Olga Mikhnovets

*Graduate student,
Ural Branch Russian State University of Justice,
Russia, Chelyabinsk*

Аннотация. Нормативно-правовой акт — это официальный письменный документ, который принят в соответствующей закону форме и процедуре. Направлен такой документ на появление (возникновение), отмену либо изменение обязательных правовых предписаний. Нормативно-правовой акт рассчитан на многократное применение и длительное существование. Таким образом, предмет анализа в контексте нормативно-правового акта — это восприятие практикой самой теории данных актов, в частности их признаков.

Abstract. A Normatively-legal act is an official writing record that is accepted in a corresponding to the law form and procedure. Such document is directed on appearance (origin), abolition or change of obligatory legal binding overs. A Normatively-legal act is counted on a nonexpendable and protracted existence. Thus, the article of analysis in the context of normatively-legal act is this perception by practice of theory of these acts, in particular their signs.

Ключевые слова: право; нормативный правовой акт; судебное оспаривание; судебный контроль; Кодекс административного судопроизводства.

Keywords: right; normative legal act; judicial challenging; judicial control, code of the administrative rule-making.

Проблемам судебного оспаривания нормативных правовых актов в последнее время уделяется значительное внимание в законодательной деятельности, судебной практике и процессуальной теории [6, с. 105].

Вопросам судебного оспаривания нормативных предписаний был посвящен целый ряд решений Конституционного суда РФ, начиная с 1998 года, два Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с принятием и введением в действие ГПК РФ» [6, с. 3]; от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [8, с. 2].

С 15 сентября 2015 года суды общей юрисдикции начали осуществлять правосудие по делам об оспаривании нормативных правовых актов уже в соответствии с Кодексом административного судопроизводства РФ (КАС РФ) [9, с. 79].

Таким образом, судебный нормоконтроль в России, не относящийся к конституционному или уставному судопроизводствам, в целом обрел единое процессуальное регулирование.

Положения главы 21 КАС РФ «Производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов» по большей части переключались

из упраздняемой главы 24 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [7, с. 126], а также восприняли некоторые правовые позиции, содержащиеся в разъяснениях Пленума ВС РФ [7, с. 347].

Но вместе с тем, по итогу они претерпели некоторые важные уточнения и изменения.

При регулировании ГПК РФ нередко возникали споры относительно того, вправе ли то или иное лицо обратиться в суд с требованием о признании нормативного правового акта недействующим, если оно к моменту обращения в суд не является участником правоотношения, подпадающего под спорное нормативное регулирование, в том числе и тогда, когда существует лишь угроза применения в отношении него нормативного акта.

Таким образом, в части 1 статьи 208 КАС РФ изменения коснулись лица, прямо оспаривающего нормативный правовой акт. Появились одно из процессуальных оснований для инициирования процедуры судебного нормоконтроля. Теперь оспаривать может не только лицо, в отношении которого этот акт применен, но и лицо, которое участвует в правоотношении, регулируемом этим нормативным актом.

Новые нормы КАС РФ гораздо более удачно формулируют достаточные условия для обращения в суд за проверкой законности правовой нормы, хотя в пункте 7 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [5, с. 2] угроза нарушения оспариваемым нормативным правовым актом прав и свобод заявителя названа как одно из оснований для обращения за судебной защитой в соответствии с ГПК РФ.

Теперь КАС РФ прямо позволяет защитить законный интерес участника регулируемого нормативным актом налогового правоотношения безотносительно факта прямого нарушения оспариваемой нормой его субъективных прав.

Новеллой является и то, что КАС РФ устанавливает правило, согласно которому граждане, участвующие в деле и не имеющие высшего юридического образования, ведут дела об оспаривании нормативных правовых актов в судах областного уровня и выше через представителей с высшим юридическим образованием (статья 55, часть 9 статьи 208 КАС РФ). Ничего подобного не регламентировалось ранее ни в ГПК РФ, ни в АПК РФ [6, с. 168].

Следует отметить, что в районном суде граждане без высшего юридического образования могут вести такие дела самостоятельно.

Не распространяется условие об обязательном квалифицированном представительстве и на организации и публичные субъекты.

Возникает вопрос: ведение дела через представителя означает ли для граждан возможность ведения дела совместно с ним? Ответ может быть найден в части 5 статьи 45 КАС РФ, где указано, что лица, участвующие в таком деле, могут определить права, которые представители осуществляют исключительно с их согласия. Через своих представителей лица, участвующие в таком деле, могут задавать вопросы другим участникам судебного процесса, давать необходимые пояснения, высказывать мнения и совершать иные процессуальные действия. При необходимости суд вправе привлекать к участию в осуществлении процессуальных прав непосредственно лиц, участвующих в деле. Таким образом, совместное с представителем участие гражданина в деле об оспаривании нормативного правового акта в суде областного уровня и выше возможно, но само лицо может осуществлять свои процессуальные права исключительно через представителя. Вероятно, это касается и подготовки процессуальных документов: все они, в том числе жалобы, должны быть подписаны представителем.

В свою очередь, проблемным на сегодняшний день остается вопрос: должен ли гражданин обращаться к услугам квалифицированного представителя, если он обжалует судебный акт, принятый по делу, при рассмотрении которого в суде первой инстанции он участвовал без представителя? Наверное, все же должен, так как вести дело в судах уровня не ниже областного или равного ему гражданин обязан через представителя [6, с. 113]. КАС РФ не содержит на этот счет никаких исключений из общего правила.

И еще один интересный нюанс. Согласно статье 3 вводного Федерального закона от 08.03.2015 № 22-ФЗ дела, находящиеся в производстве Верховного суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции и не рассмотренные до 15 сентября 2015 года, подлежат рассмотрению и разрешению в порядке, предусмотренном КАС РФ. Не рассмотренные до 15 сентября 2015 года жалобы (представления) разрешаются в соответствии с процессуальным законом, действующим на момент рассмотрения таких жалоб (представлений). Означает ли это, что, начиная с 15 сентября 2015 года, гражданин должен привлечь в рассматриваемое областным судом дело об оспаривании нормативного правового акта своего квалифицированного представителя, если на момент начала его рассмотрения по правилам ГПК РФ гражданин участвовал в процессе самостоятельно? Из положений вводного закона следует, что с 15 сентября 2015 года гражданин

должен начать вести в таком суде дело только через представителя. Это, кстати, может повлиять на сроки рассмотрения дела, поскольку вновь привлекаемому представителю потребуется время как минимум для ознакомления с материалами производства и формирования правовой позиции.

Новшеством является и тот факт, что по административному иску об оспаривании нормативного правового акта суд теперь вправе принимать меру предварительной защиты в виде запрета применения оспариваемого нормативного правового акта или его оспариваемых положений в отношении административного истца (статья 211 КАС РФ) [6, с. 44].

Ранее Верховный суд РФ не допускал принятие каких бы то ни было обеспечительных мер по делам данной категории со ссылкой на часть 7 статьи 251 ГПК РФ (пункт 14 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»).

Представляется, что применение предусмотренной статьей 211 КАС РФ меры предварительной защиты по делам о признании недействующими нормативных правовых актов не получит широкого распространения. Суд сможет запретить применение оспариваемой нормы в отношении исключительно административного истца и, вероятно, лишь в случае очевидной угрозы нарушения его субъективных прав. Судебный запрет должен быть адресован неограниченному кругу лиц, с которыми административный истец вступил или вступит в правоотношения, регулируемые оспариваемой нормой, или по поводу этой нормы.

Очень интересным является предоставленное судам частью 3 статьи 215 КАС РФ право выявлять толкование оспариваемого нормативного правового акта с учетом его места в системе нормативных правовых актов с указанием на его неправильное правоприменение, что должно найти отражение в мотивировочной и резолютивной частях судебных актов.

Похожее право сформулировал ранее Пленум Верховного суда РФ в пункте 25 Постановления от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части», но с акцентом на недопустимость признания нормативного правового акта недействующим, если такой акт не допускает придаваемое им при правоприменении толкование. Однако такая формулировка позиции Пленума ВС РФ не очень удачна. Очевидно, Пленум ВС РФ имел в виду случаи, когда суды устанавливают его

неправильное истолкование правоприменителями при отсутствии иных обстоятельств, позволяющих суду усомниться в его законности, и тогда у суда нет оснований признавать его недействующим. КАС РФ формулирует данное право судов несколько иначе, акцентируя внимание именно на праве суда указывать в решении на неправильное истолкование нормы правоприменителем, расходящееся с толкованием, данным судом.

В немалой степени предоставленное КАС РФ суду право указывать в своем решении на неправильное применение оспариваемого нормативного правового акта соответствует схожим полномочиям Конституционного суда РФ на выявление в судебном акте смысла нормативного правового акта или его отдельного положения, придаваемого им правоприменительной практикой, закрепленным в статьях 74, 79 ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» [4, с. 22].

Очевидно, от судов общей юрисдикции в некотором будущем следует ожидать немногочисленных решений, в которых нормативные правовые акты хотя и могут быть признаны соответствующими нормам большей юридической силы, но при этом признаны неверно применяемыми с учетом выявленного их действительного толкования, по аналогии с решениями Конституционного суда РФ с так называемым «позитивным» содержанием.

Насколько такие решения судов будут обязательными для последующей правоприменительной практики, в том числе другими судами, — вопрос времени. КАС РФ в отличие от ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» не придает таким решениям судов общей юрисдикции квазинормативного значения. Тем не менее норма части 3 статьи 215 КАС РФ существует и у нее должны быть свои цели в развитии правоприменения.

Также хотим отметить, что в соответствии с частью 4 статьи 216 КАС РФ суд, признавший нормативный правовой акт недействующим, в целях недопущения возникновения в связи с этим недостаточной правовой урегулированности (пробела в правовом регулировании, «правового вакуума») вправе обязать соответствующий орган власти принять новый нормативный правовой акт взамен признанного недействующим.

ГПК РФ ранее не предоставлял судам подобных правомочий. Нет таких полномочий у судов и по АПК РФ [6, с. 880]. Однако проблема поднималась неоднократно.

Норма части 4 статьи 216 КАС РФ направлена на защиту публичного интереса и соответствует аналогичным по своим целям

и задачам положениям статьи 80 ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации». Последние прямо направлены на устранение возникающих правовых пробелов в нормативном регулировании высочайшего уровня и по этой причине предусматривают конкретные сроки, в которые соответствующие органы государственной власти должны совершить необходимые процедуры нормотворческой инициативы.

Однако регулирующий административное судопроизводство КАС РФ никак не ориентирует суды в сроках, которые они должны отводить органам власти и должностным лицам на устранение возникших в связи с дисквалификацией нормы правовых пробелов. Это может быть объяснено в первую очередь тем обстоятельством, что суды в соответствии с КАС РФ будут осуществлять контроль над нормативными правовыми актами самого широкого спектра — от муниципальных до актов высших органов государственной власти, и поэтому установление единых сроков на исполнение всех решений судов не будет соответствовать целям и задачам судопроизводства. Тем не менее с учетом принципа исполнимости судебного акта суды в целях устранения недостаточной правовой урегулированности, очевидно, будут вынуждены указывать в резолютивной части решения на конкретные сроки, в которые публичные субъекты должны будут совершить определенные действия.

Таким образом, правовое регулирование судебного оспаривания нормативных правовых и ненормативных актов представляет собой важный раздел административного процесса, в какой-то степени пограничный с соответствующими ему положениями конституционного, административного и арбитражного процессов.

Производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов и производство по делам об оспаривании ненормативных актов обладает как общими процессуальными признаками, характерными для всех подвидов производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, так и специфическими чертами, свойственными каждому из них в отдельности.

Список литературы:

1. Арбитражный процесс. Учебник для вузов. / Под ред. В.В. Яркова. — М.: Инфотропик Медиа, 2010. — С. 880.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета, № 137, 27. 07. 2002.

3. Бытдаева В.Х. Развитие правового регулирования рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов // «Право и современные государства». — 2015. — № 6. — С. 44-49.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета, № 220, 20.11. 2002.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Российская газета, № 49, 11.03.2015.
6. Машукова Т.А. О некоторых проблемах оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // «Евразийский юридический журнал». — М., 2016. — № 11. — С. 105-108.
7. Немцева В.Б. Оспаривание нормативного акта как средство судебной защиты // Вестник Омского университета. — 2008. — № 4. — С. 113-116.
8. Никифорова Е.В. Производство по делам об оспаривании нормативно-правовых актов. Приоритетные направления развития науки и образования: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 4 дек. 2015 г.). — М.: «Интерактив плюс», 2015. — № 4. — С. 347-348.
9. Порываев С.А. О возможности унификации производства по делам об оспаривании нормативных правовых актов при принятии Кодекса административного судопроизводства // «Законы России: опыт, анализ, практика». — 2015. — № 3. — С. 1-3.
10. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 20.01.2003 № 2 (ред. от 10.02.2009) «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 15, 25.01.2003.
11. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» // Российская газета, № 276, 08.12.2007.
12. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» // Российская газета, № 138-139, 23.07. 1994.

3.2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Мантулина Оксана Олеговна

*аспирант, кафедра гражданского права и процесса,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
РФ, г. Москва*

DUTIES OF PARENTS ON THE MAINTENANCE OF UNDERAGE CHILDREN IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Oksana Mantulina

*graduate student, chair of civil law and process
Russian Economic University named after G.V. Plehanov
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье рассматриваются различные правовые аспекты обязанностей родителей по содержанию несовершеннолетних детей. Исследуется вопрос исторического становления данного института; определяется круг обязанных субъектов, уровень их ответственности и размер алиментов, а также условия наложения обязанности по содержанию несовершеннолетних детей на родителей. Отмечаются сходства и различия в данном вопросе между странами англосаксонского и мусульманского права, а также романо-германской правовой семьи. Исследование проводится на примере российского, алжирского, марокканского, немецкого и калифорнийского семейного права.

Abstract. This article examines various legal aspects of the parental responsibility to provide for their underage children. A research is conducted on the historical development of this institution, including

determination of the circle of the responsible parties, level of their responsibility and size of the alimony, as well as the conditions under which the responsibility to support an underage child is placed upon a parent. The author notes the similarities and differences on this issue within the countries of Anglo-Saxon and Muslim laws, as well as the Romano-Germanic legal system. The research is conducted on the example of Russian, Algerian, Moroccan, German, and Californian family law.

Ключевые слова: семейное право; алименты; содержание; родители; дети; обязанность; несовершеннолетие; Россия; зарубежные страны.

Keywords: Minors; responsibility; children; parents; support; alimony; law; Russia; foreign countries; family law.

Обязанности родителей по содержанию несовершеннолетних детей являются наиболее устоявшимся институтом семейного права любого современного государства. Более того, данный институт является настолько устоявшимся и естественным элементом семейных отношений, что мы обнаружим его на любой стадии развития общественных отношений, в том числе и существовавших в догосударственную эпоху. Иначе говоря, обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей является социальным институтом, имеющим внеправовую (или точнее, доправовую) природу, получившим свое закрепление в нормах морали, этики и религиозных принципах организации общественной и семейной жизни.

Наиболее ярким подтверждением данному утверждению могут служить религиозные принципы, которые по природе своей социоцентричны и устанавливают ряд обязательств как в отношении общества, так и в отношении членов семьи. Действительно, практически любой религиозный текст содержит такого рода обязательства родителей перед детьми. Так, например, Коран однозначно закрепляет обязанность родителей по содержанию своих детей: «И не давайте (о, попечители!) легкомысленным (мужчинам, женщинам и детям) вашего имущества, которое Аллах устроил вам для поддержки, и наделяйте их из него, и одевайте их, и говорите им слово благое» [10].

Аналогичное подтверждение мы найдем и в христианских религиозных текстах: «Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей» [11]. Таким образом, обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей является наиболее ярким общественным институтом, имеющим без преувеличения

универсальный характер (Так, например, Конвенция Организации Объединенных Наций «О правах ребенка» от 20 ноября 1989 года (Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI, 1993) установила данную обязанность родителей как «...основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка» (п. 2, ст. 2)), регулирующим семейные отношения с незапамятных времен и получившим свое закрепление в правовых нормах, в том числе канонического права, с появлением последних.

В правовом поле исследуемое обязательство было закреплено еще в римском праве. Действительно, Дигесты Юстиниана однозначно устанавливали обязанность родителей по содержанию детей: «Если же супруг откажется сделать то, что должен, то в любом случае принуждается содержать рожденного (ребенка), хотя он и может не признавать его сыном» [1]. По вполне объективным причинам в русском праве данная обязанность была закреплена позднее, что не позволяет в то же время отрицать ее существование и вне позитивного права, т. е. в рамках обычая, морали и религиозных норм. Действительно, первоначальное свидетельство о существовании в русском праве обязанности родителей по содержанию детей мы обнаружим лишь в пространной редакции «Русской правды», где, в частности, указывается, что опекун «кормит и печалуется» [12] (т. е. заботится).

Сегодня рассматриваемый институт нашел свое закрепление в ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 1, ст. 16), в соответствии с которой «Родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей». Речь идет именно о родителях, т. е. обязанность по содержанию детей возлагается на лиц, с которыми у последних существует юридическая связь (кровнородственная связь или усыновление (удочерение)), а обязанность в принципе накладывается как на отца, так и на мать в равной мере (Наиболее ярко равенство родителей по отношению к обязанности по содержанию несовершеннолетних детей выражено в Калифорнийском семейном кодексе (California family code), где (§ 3900) указывается, что «...отец и мать несовершеннолетнего несут равную ответственность за содержание ребенка...»).

Необходимо обратить внимание на особенность семейного права отдельных мусульманских государств в данном вопросе, которую в принципе можно охарактеризовать как более патриархальный характер института обязанности родителей по содержанию несовершеннолетних детей. Действительно, в Алжирском семейном кодексе (Ст. 64 Алжирского семейного кодекса однозначна в данном вопросе: «Опека

над ребенком (*hadana*) вменяется в первую очередь матери...» (См. *Loi N 84-11 portant Codedela Famille. Journal Officiel dela Républiq uealgérienne, oct./nov. 1983, p. 612*)) данная обязанность возлагается только на отца (ст. 75), так как в традиционных мусульманских семьях именно отец является кормильцем семьи, а в случае развода дети не только на практике, но и с юридической точки зрения воспитываются лишь матерью (Так, в одном из судебных решений Верховного суда Республики Алжир уточнялось, что в случае развода ребенок может остаться с отцом только в случае смерти матери и при условии, если интересы ребенка требуют этого, либо если органы опеки рекомендуют суду передать ребенка на воспитание отцу. См. *Coursuprême, 12 février 2001, al-Madjallaal-qadâ`iyya, Alger, 2002, n° 2, p. 421; Coursuprême, 18 février 1997, citéinNasreddinMarrûk, Qânûnal-usrabaynal-nadhariyyawaal-tatbiq, Alger, Dâral-Hilâlli-l-khadamâtal-i`lâmiyya, 2204, p. 120*) (ст. 64), тогда как все алиментные обязательства по содержанию детей возлагаются исключительно на отца.

В то же время законодательство ряда более продвинутых в данном плане мусульманских государств свидетельствует о том, что в странах мусульманской правовой семьи все же существуют примеры более равного подхода к обязательству родителей по содержанию детей, т. е. аналогичных западным моделям институтов семейного права (Так, например, в соответствии с Марокканским семейным кодексом обязательство по содержанию детей вменяется в обязанность обоих родителей. (См. п. 3 ст. 54 Марокканского семейного кодекса. *Dahir N°1-04-22 du 12 Hija 1424 (3 février 2004) portant promulgation de la loi 70-03 portant Code de la famille, Bulletin Officiel n° 5358 du 2 ramadan 1426 (6 octobre 2005), p. 667*)).

Стоит отметить, что если вопрос материнства по природе своей практически никогда не составлял проблему, т. е. определение обязанного субъекта в лице матери по обязательству содержания ребенка редко вызывало проблемы на практике, то вопрос определения отцовства на протяжении продолжительного времени создавал множество серьезных проблем в определении обязанного субъекта по обязательству содержания собственных несовершеннолетних детей. Действительно, в современном обществе количество детей, рожденных вне брака, неуклонно растет, а вопросы установления отцовства, которые обуславливают выплату алиментов, т. е. обязательств по содержанию детей, становятся все более актуальными (Об этом, в частности, свидетельствует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 октября 1996 № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства

и о взыскании алиментов» («Российская газета» от 5 ноября 1996 г.), где в одном из первых пунктов рассматривается указанная проблема определения отцовства у лиц, не состоящих в браке (п. 3).

В то же время с появлением так называемой экспертизы по вопросу о происхождении ребенка, проведенной методом «генетической дактилоскопии» (П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 октября 1996 № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» («Российская газета» от 5 ноября 1996 г.), проблемы установления отцовства, а как следствие, и обязанного субъекта в отношениях содержания детей, были сняты. Это, в частности, отразилось на менее развернутом законодательном регулировании вопросов определения отцовства в современном законодательстве, где, в отличие, например, от Дигест Юстиниана данному вопросу стало уделяться меньше внимания. Таким образом, можно утверждать, что в современном мире проблемы в вопросе определения обязанных субъектов в правоотношении по содержанию несовершеннолетних детей были практически сняты.

Обязанность родителей по содержанию детей носит практически безоговорочный, или абсолютный характер (Так, например, в немецком семейном праве, в сравнении с общими обязательствами по финансовой поддержке родственников по прямой линии (§ 1601 Гражданского уложения), обязательство по содержанию собственных несовершеннолетних детей является безоговорочным (§ 1602 (2), 1603 (2) Гражданского уложения), так как в отличие от обязательства по финансовой поддержке родственников оно существует и в том случае если у обязанного лица нет возможности предоставить средства без риска для собственного надлежащего содержания (§ 1602)), что отличает ее от аналогичного института, существовавшего в древние времена, а также от института по содержанию родственников, не являющихся детьми. Действительно, единственным и наиболее распространенным условием обязанности родителей по содержанию детей является несовершеннолетие последних: несовершеннолетие является единственным общим основанием возникновения обязанности родителей по содержанию детей в различных государствах (Стоит отметить, что подход мусульманских государств не всегда однозначен в данном вопросе и варьируется, в частности, в зависимости от пола ребенка. Так, например, в алжирском семейном праве обязанность родителей по содержанию собственных детей прекращается в случае с детьми мужского пола с наступлением совершеннолетия последних. В свою очередь, если речь идет о детях женского пола, такая обязанность

прекращается с выходом дочери замуж. Данный факт явным образом свидетельствует о неравенстве полов в мусульманских государствах и отражении таких культурных особенностей мусульманских государств в правовом регулировании вопросов семейного права (См. подробнее по данному вопросу, например: Nahas M. Mahieddin, *L'évolution du droit de la famille en Algérie: nouveautés et modifications apportées par la loi du 4 mai 2005 au Code algérien de la famille du 9 juin 1984*, L'année du Maghreb, 2005. pp. 97-137)).

Тем не менее в отдельных государствах существует несколько иной подход, который, на наш взгляд, более справедлив при решении данной проблемы: речь идет об обязанности по содержанию не несовершеннолетних детей вообще, а только несовершеннолетних детей, не имеющих достаточных собственных средств (Стоит отметить, что в российской науке семейного права мы можем обнаружить аналогичные утверждения. Так, например, Шерстнева К.С. пишет: «Разрешая споры о снижении или увеличении размера алиментов, взысканных на несовершеннолетних детей, суд вправе отказать полностью или частично в удовлетворении соответствующих требований, поскольку закон предусматривает возможность, а не обязанность их удовлетворения» (См. Шерстнева К.С. Взыскание алиментов на несовершеннолетних детей в твердой денежной сумме. // Российская юстиция. — 2006. — № 6. — С. 25).

Со всей очевидностью данное условие свидетельствует о том, что обязанность родителей по содержанию собственных детей связана с объективной невозможностью детей содержать себя за счет собственных средств (Наиболее явно это отражено в п. 1 ст. 75 Алжирского семейного кодекса, где однозначно указывается, что такая обязанность существует в случае если у ребенка нет собственных средств (См. Loi N° 84-11 portant Code de la Famille. Journal Officiel de la République algérienne, oct./nov. 1983, p. 612.). Подтверждение этому мы можем обнаружить в Калифорнийском семейном кодексе (§ 3901 (1)), где, в частности, указывается, что обязанность по поддержанию детей продолжается и после 18-летнего возраста (до достижения 19-ти лет) в случае если ребенок является «... студентом очной формы обучения и не содержит себя сам...». Это означает, что обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей существует в связи с презумпцией отсутствия у них наличия собственных средств за невозможностью осуществления трудовой деятельности ввиду ограниченной дееспособности (Напомним, что одним из условий эмансипации несовершеннолетнего лица является занятие трудовой деятельностью (ст. 21 п. 2 ГК РФ), которое в принципе должно позволить

лицу обеспечить себя средствами и, как следствие, снять с родителя обязанность по содержанию несовершеннолетних, но эмансипированных детей).

Данное утверждение подтверждается и отдельными условиями освобождения родителей от рассматриваемой обязанности. Действительно, эмансипация ребенка или приобретение им полной дееспособности при вступлении в ранний брак по российскому праву приводит (пп. 1 и 2 ст. 120 Семейного кодекса РФ) к снятию обязанности по содержанию детей. В свою очередь алжирский законодатель еще более однозначен, так как установление такой обязанности ограничено случаями, когда у детей нет собственных средств на содержание и она прекращает свое действие, как только ребенок располагает достаточными средствами, необходимыми для собственного содержания (пп. 3 и 4 ст. 75 Алжирского семейного кодекса). Немецкий законодатель также более справедлив, на наш взгляд, чем российский, так как в ФРГ обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей связана не с недееспособностью (отсутствием совершеннолетия) последних, а с наличием или отсутствием у них средств (§ 1602 Гражданского уложения). Действительно, обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей связана с объективной нуждой, а не с гипотетической возможностью детей осуществлять трудовую деятельность. Как следствие, подход алжирского и немецкого законодателя к данному вопросу, по нашему мнению, более прагматичен.

Несмотря на наличие в российском праве такого обстоятельства, освобождающего лицо от обязанности по содержанию несовершеннолетних детей, как вступление последних в брак, его нельзя признать повсеместным (ст. 120 Семейного кодекса): так, например, мы его не обнаружим в калифорнийском семейном праве. В то же время такое основание освобождения родителя от рассматриваемой обязанности существует в немецком праве, где предусматривается, что если несовершеннолетний состоит в браке или зарегистрированном партнерстве, то его содержание осуществляется, в первую очередь, не за счет родителей, а супруга (сожителя), тогда как родители будут обязаны его содержать лишь в случае недостаточных средств у супруга (§ 1608 Гражданского уложения). Такое исключение из обязательства родителей, по всей видимости, связано с тем, что ответственность по содержанию ребенка здесь переходит с родителя на супруга, а родители (как в немецком праве) носят лишь субсидиарную обязанность [8]. Ситуация здесь аналогична усыновлению (удочерению), при котором все обязанности переносятся с плеч родителя

на усыновившего (удочерившего) (См. п. 17 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 20 апреля 2006 года № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» («Российская газета» от 3 мая 2006 г. № 4058), где указывается, что с родителя усыновленного снимается обязанность уплаты алиментов).

В отдельных (мусульманских) странах такое исключение из рассматриваемой обязанности касается только детей женского пола: в алжирском семейном праве (ст. 75 Алжирского семейного кодекса) родители освобождаются от обязанности содержать собственную дочь с ее выходом замуж, что предполагает как их освобождение от данной обязанности до наступления ее совершеннолетия, так и продление данной обязанности после наступления совершеннолетия (в случае если к этому времени дочь не вышла замуж). Такой дискриминационный подход к указанной обязанности родителей свидетельствует о высоко патриархальном складе алжирского семейного права.

Содержание несовершеннолетних детей осуществляется посредством предоставления алиментов, размер которых может быть установлен консенсуально, т. е. посредством соглашения родителей (п. 1 ст. 80 Семейного кодекса). Порядок исчисления сумм алиментов (т. е. содержания), подлежащих взысканию, на несовершеннолетних детей в отсутствие соглашения родителей установлен законом. В принципе, он устанавливается в размере определенных долей от заработка родителя (Понятие заработка родителя является довольно широким (См. Постановление Правительства РФ от 18 июля 1996 года № 841 «О перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 31, ст. 3743) в зависимости от количества детей, нуждающихся в содержании: от одной четверти (в случае если речь идет о содержании одного ребенка) до половины заработка (в случае если речь идет о содержании трех и более детей). В исключительных случаях содержание несовершеннолетнего ребенка исчисляется в твердой денежной сумме (ст. 83 Семейного кодекса).

Между тем подобного подхода к определению уровня участия родителя в содержании несовершеннолетних детей в зарубежных государствах нами обнаружено не было. Так, например, в американском гражданском законодательстве различных штатов не устанавливается такое подробное регулирование уровня расходов, которые обязан выделить родитель на содержание собственного ребенка (§ 3900-3952 Калифорнийского семейного кодекса). Здесь данный вопрос оставляется на усмотрение родителей и, в крайнем случае, суда (§ 4000-4250).

Аналогичен подход к определению размера алиментов и в других государствах, что, на наш взгляд, является более справедливым подходом, так как позволяет — как, например, и прогрессивный налог в налоговом праве — учесть финансовую ситуацию конкретного обязанного субъекта (Наиболее ярким примером здесь может служить немецкое Гражданское уложение, где, в частности, указывается, что обязанность по содержанию налагается на лицо в зависимости от его средств (§ 1603 (1) (См. подробнее, например: Terpitz W. *Terpitz J. Rechteder Jugendlichenvon A-Z zwischen 14 und 18. 3e Auflage: Deutschen Taschenbuch. 2000. S. 34.*)).

Стоит отметить, что в российском праве размер указанных директивным образом долей может быть изменен. В то же время законодатель однозначно дал понять, что речь идет об изменении размера алиментов в судебном порядке (ст. 81 Семейного кодекса) в случае отсутствия соглашения об уплате алиментов. Несмотря на данное указание, российский законодатель — в сравнении с западными примерами — довольно жестко определил размер обязанности родителей по содержанию несовершеннолетних детей. Действительно, если учесть, что к судебному порядку разрешения споров в России прибегают нечасто (в том числе и по рассматриваемой категории дел), то мы можем утверждать, что на практике в большинстве случаев размер алиментов соответствует указанному в законе принципу долей, а не материальному и семейному положению сторон или иным обстоятельствам. Последние учитываются в судебном порядке лишь тогда, когда обязательство по содержанию несовершеннолетних детей существует в отношении нескольких проживающих раздельно детей и суду предстоит определить конкретные доли заработка родителя в отношении каждого из них: только в таких случаях чаще всего учитываются семейное и материальное положение субъектов (Стоит отметить, что судебная практика формальна и в данных случаях, так как чаще всего при распределении обязательств родителя по содержанию нескольких детей используются указанные в п. 1 ст. 81 Семейного кодекса доли (См. подробнее по данному вопросу, например: Судебная практика по семейным спорам. Книга 1. // Под руководством Крашенникова П.В. — М., 2004. — С. 120).

В свою очередь, в традиционных мусульманских государствах обязанности родителей по содержанию собственных детей довольно часто смешиваются с обязательством супруга поддерживать бывшую жену после развода. Действительно, например, Алжирский семейный кодекс обязывает бывшего мужа выплачивать своей бывшей жене ренту в течение нескольких месяцев после развода (ст. 61), а также,

в случае если дети от брака проживают с ней (подавляющее большинство случаев), обеспечить бывшую супругу и, как следствие, своих детей жильем (ст. 72) (См. решение алжирского Верховного суда: Coursuprême, 16 février 1999, al-Madjallaal-qadâ'iyua, 2000).

Подобный подход существует и в немецком праве, где помимо обязательства по содержанию собственных детей цель по их обеспечению необходимыми средствами также достигается и с помощью различных мер, направленных на обеспечение бывшего супруга, с которым проживают дети. Более того, немецкий законодатель пошел намного дальше, создав с данной целью в Гражданском уложении специальную главу (Данная глава (Untertitel 2 «Besondere Vorschriften für das Kind und seine nicht miteinander verheirateten Eltern») появилась в Гражданском уложении на рубеже тысячелетий и была создана с целью защиты прав ребенка, рожденного от родителей, не состоящих в браке (См. подробнее, например: R. Hoppenz, G. Brudermüller, Familiensachen, Hüthig Jehle Rehm, 2009.). Так, например, будущий отец может быть обязан содержать мать в течение шести недель до рождения ребенка и восьми недель после его рождения и участвовать в расходах, связанных с беременностью (§ 1615 (1)). Также, если мать ребенка не способна осуществлять трудовую деятельность в связи с беременностью или уходом за ребенком, отец обязан предоставлять ей содержание на период, начинающийся не ранее четырех месяцев до рождения ребенка и длящийся как минимум до трех лет после его рождения (§ 1615 L (2) Гражданского уложения Германии). Наконец, кончина матери, связанная с беременностью, также накладывает на отца и расходы по ее погребению (§ 1615 m). Очевидно, что указанные положения немецкого гражданского права свидетельствуют о серьезности подхода немецкого законодателя к ответственности отца, что довольно удивительно для государства, в котором система социального обеспечения (в том числе матери и ребенка) развита наибольшим образом, т. е. где защита прав и интересов граждан обеспечена государством в наиболее полном объеме.

Интересен и подход калифорнийского законодателя к определению размера алиментов. Напомним, что здесь, как и в подавляющем большинстве зарубежных государств, в семейном законодательстве не установлен порядок определения размера алиментов. В то же время здесь (§ 4004 Калифорнийского семейного кодекса) при определении размера алиментов учитывается размер социального обеспечения, выделяемого на ребенка штатом в соответствии с рядом нормативных актов, касающихся социального и семейного обеспечения (publicassist an ceunder the Family Economic Security Actof 1982 and Welfareand Institutions Code), а также законодательства о медицинском страховании

(healthin suran cecoverage) (§ 4006 Калифорнийского семейного кодекса). Данный подход справедлив, на наш взгляд, так как позволяет осуществить более точную оценку нужды ребенка и четко определить количество средств, предоставляемых ему в том числе и органами опеки и социального обеспечения и избежать необоснованного обогащения родителей, с которыми проживают данные дети [3].

Аналогичен и подход немецкого законодателя, который при определении размера алиментов также учитывает все выдаваемые на ребенка социальные пособия [7]. В то же время стоит также обратить внимание и на некоторую особенность немецкого подхода в определении размера алиментов. Здесь при определении размера алиментов, в частности, учитывается возраст ребенка. Конкретно это выражается в идее роста потребностей ребенка с его взрослением, т. е. по немецкому праву размер алиментов должен изменяться в зависимости от возраста ребенка и постоянно увеличиваться, вплоть до его совершеннолетия, так как предполагается, что его потребности постоянно растут.

Таким образом, обязанности родителей по содержанию несовершеннолетних детей являются наиболее устоявшимся институтом семейного права любого государства. Наиболее серьезные различия в данном вопросе существуют между, с одной стороны, странами мусульманской правовой семьи, а с другой стороны, странами романо-германской и англосаксонской правовых семей. В то же время различия между ними довольно относительно и выражаются, в первую очередь, в неравенстве полов по отношению к обязанности по содержанию несовершеннолетних детей.

Список литературы:

1. П. Барнетт, Второе послание к Коринфянам. — 2002. — СПб. Гл. 12, 14.
2. А. Магомедов (ред.), Коран, изд. «Диля», Сура 4, «Ан Ниса», 5.
3. Пространная редакция Русской Правды // Российское законодательство X-XX веков. — Т. 1. — М.: Юридическая литература, 1984. — С. 64-73.
4. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана (пер. Перетерский И.С.). — М.: Наука, 1984. — С. 520.
5. Шерстнева К.С. Взыскание алиментов на несовершеннолетних детей в твердой денежной сумме. // Российская юстиция. — 2006. — № 6. — С. 25.
6. T. Haet. California Child and Spousal Support: Establishing, Modifying, and Enforcing. — CEB, — 2014. — 358 p.
7. R. Hoppenz, G. Brudermüller, Familiensachen, HüthigJehleRehm. — 2009.
8. Nasreddin Marrûk, Qânûn al-usrabayn al-nadhariyyawa al-tatbîq, Alger, Dâr al-Hilâl li-l-khadamât al-i'lâmiyya. — 2204. — P. 120.

9. Nahas M. Mahieddin, L'évolution du droit de la famille en Algérie: nouveautés et modifications apportées par la loi du 4 mai 2005 au Code algérien de la famille du 9 juin 1984, L'année du Maghreb. — 2005. — Pp. 97-137.
10. K. Schellhammer. Familienrecht nach Anspruchsgrundlagen: samt Verfahren In Familien-, Kindschafts- und Betreuungssachen. – C.F. Muller, 2006. – 797 p.
11. C. Schmid, Stiftungsrechtliche Zuwendungen Im Erb- und Familienrecht: Pflichtteilsergänzung und Zugewinnausgleich. – BWV Verlag, 2010. – 228 p.
12. Terpitz W. Terpitz J. Rechte der Jugendlichen von A-Z zwischen 14 und 18. 3e Auflage: Deutschen Taschenbuch. – 2000. – S. 34.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ВИНЫ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пархоменко Людмила Владимировна

*ст. преподаватель, Таврическая Академия
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского,
РФ, г. Симферополь*

Колбасина Людмила Павловна

*ассистент, Медицинская академия имени С.И. Георгиевского
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
РФ, г. Симферополь*

Мирошкова Екатерина Дмитриевна

*студент, Медицинская академия имени С.И. Георгиевского
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
РФ, г. Симферополь*

ACTUAL PROBLEMS OF FAULT OF MEDICAL WORKERS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Lyudmila Parkhomenko

*senior lecturer, Tavrida national University
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky,
Russia, Simferopol*

Ludmila Kolbasina

*assistant, Medical Academy named after S.I. Georgievsky
Federal State Autonomous educational institution
"Kazan Federal University im.V.I. Vernadsky",
Russia, Simferopol*

Ekaterina Miroshnkova

*student, Medical Academy named after S.I. Georgievsky
Federal State Autonomous educational institution
"Kazan Federal University im.V.I. Vernadsky,
Russia, Simferopol*

Аннотация. В данной статье проанализированы проблемы установления вины медицинского работника в ходе выполнения своей профессиональной деятельности. Рассмотрены определения понятий «вина врача» и «врачебная ошибка» с медицинской и правовой точек зрения. Определено отношение юристов и медиков к правовой природе данного понятия, аргументируется точка зрения данных групп с позиции источника возникновения врачебных ошибок, а также личности виновных лиц

Abstract. This article analyzes the problems of establishing the guilt of a medical worker in the course of performing his professional activities. The definitions of the concepts "doctor's fault" and "medical error" are considered from the medical and legal points of view. The attitude of lawyers and physicians to the legal nature of this concept is determined, the point of view of these groups is argued from the point of view of the origin of medical errors, as well as the identity of the perpetrators

Ключевые слова: вина врача; врачебная ошибка; медицинская ошибка; медицинские работника; медицинское учреждение; ответственность медицинского работника; пациент; противоправные действия; виновность.

Keywords: doctor's fault; medical error; medical error; medical worker; medical institution; medical worker's responsibility; patient; illegal actions; guilt.

Каждый человек имеет естественное неотъемлемое право на охрану здоровья. Общество и государство ответственные перед современным и будущими поколениями за уровень здоровья, совершенствование медицинской помощи и внедрение здорового образа жизни. Однако сложность медицинской профессии, ее уникальность в сравнении со всеми другими, не застрахована от ошибок. Однако данные ошибки часто являются роковыми и стоят здоровья пациенту. Установление вины медицинского персонала в данных непростых случаях, где тонкая грань между виной и невинностью в действиях такого сотрудника, что и обусловило актуальность исследования.

Вина в правовом понятии – это внутреннее отношение лица к совершаемому действию (бездействию) и причиненными вследствие этого последствиям [1, с.47]. Это внутренний состав деяния, за которое субъект подлежит ответственности.

Следовательно, вина врача – это его отношение к своему действию или бездействию, а так же к результату, к которому это

действие (бездействие) приведет [2, с. 54]. Как правило, результатом бывает причинение материального вреда, а в некоторых случаях, причинение морального вреда пациенту.

Таким образом, исполняя свои обязанности врач может осознанно и намеренно совершить действие, которое приведет к неблагоприятным и опасным для пациента последствиям, такое действие или бездействие может быть обусловлено, так называемой, врачебной ошибкой.

Считается, что термин «врачебная ошибка» впервые применил выдающийся русский хирург Н.И. Пирогов, который уделял большое значение анализу ошибок медицинских работников. Далее термин стал широко применяемым не только среди медицинских работников, но и правоведами [3, с. 7].

На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации отсутствует определение врачебной ошибки, однако во многих ведущих нормативных актах указывается на разновидности, так например в Межгосударственном стандарте ГОСТ ISO 14971-2011 «Изделия медицинские. Применение менеджмента риска к медицинским изделиям» (введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 13 декабря 2011 г. N 1261-ст) в Н.2.2.3 приведены примеры возможных ошибок применения со стороны медицинского персонала [10].

Исходя из вышеуказанного врачебная ошибка является разновидностью профессиональных ошибок, используется в медицинской профессии и относится к отрицательным последствиям деятельности врачей.

В современной правовой науке врачебная ошибка рассматривается как двуединое понятие: медицинское и правовое. К врачебным ошибкам относят ошибочные действия врача при постановке диагноза или лечении больного, обусловленные состоянием медицинской науки на данном этапе ее развития, особыми, неблагоприятными условиями и обстоятельствами оказания медицинской помощи или нехваткой врачебного опыта, сделанные при отсутствии осознания опасности, без предвидения возможности причинения вреда или при уверенности в предотвращении ей.

Однако среди ученых нет единого мнения относительно правовой природы данного понятия. Наибольшее количество сторонников мнения о правовой невменяемости ошибочных действий медицинских работников является медицинский персонал. Данная категория специалистов считает, что ошибки в медицинской практике чаще всего возникают из-за сложности функционирования организма человека и неконтролируемостью патологии, на которую влияет лечение.

Известный патологоанатом, академик И.В. Давыдовский писал, что «к врачебным ошибкам следует относить только добросовестные ошибки врача, которые базируются на несовершенстве современного состояния медицинской науки и ее методов исследования и вызваны особенностями течения заболевания у отдельного больного, или ту, что объясняется нехваткой знаний или опыта врача» [10].

Таким образом, традиционная для медиков является следующая мысль: медицинская ошибка - это случайное стечение обстоятельств или следствие несовершенства медицинской науки и техники. Она не является результатом халатного, безответственного отношения врача к своим обязанностям, невежества или преступного действия. То есть при такой ошибке вина медицинского работника отсутствует, как и состав правонарушения, а потому привлечения к правовой (гражданской или иной) ответственности быть не может.

Однако вышеупомянутый подход категорически отрицается юристами. Большинство из них занимают категорически обвинительную позицию и настаивают на том, что в таких случаях в действиях медицинских работников обязательно присутствует вина. Однако среди них нет единого мнения относительно квалификации медицинской ошибки. В одних случаях ошибкой считают виновное деяние медицинских работников, повлекшее причинение вреда здоровью пациента, а в других - случайное невиновное причинение вреда. Иногда такую ошибку еще рассматривают как обстоятельство, смягчающее ответственность врача.

Таким образом, тезис сторонников юридического направления: «медицинская ошибка - это небрежные, недобросовестные, неосторожные действия и приемы по оказанию медицинской помощи (услуг), результатом которых оказалось телесное повреждение или смерть пациента». То есть, получается, что медицинские ошибки всегда влекут за собой гражданско-правовую ответственность.

Несмотря на то, что взгляды медиков и юристов почти диаметрально противоположные, истина находится где-то посередине. Мы считаем, что как медицинскую ошибку следует рассматривать действия или бездействие медицинского работника, которые привели к негативным для здоровья или жизни пациента последствиям и вызваны объективными или субъективными факторами. Эти две группы факторов могут быть положены в основу классификации медицинских ошибок.

Под врачебными ошибками, которые влекут ответственность, более применимыми являются такие ее виды, как:

1) уголовная (возлагается на физических лиц и гражданско-правовая). В УК РФ нет специальных статей об ответственности

медицинских работников. Привлечение к уголовной ответственности медицинского персонала возможно по общим статьям [9];

2) гражданско-правовая ответственность. Установлена Гражданским кодексом РФ. Применяется, в случае нарушения медицинской организацией или ее сотрудником условий договора с пациентом или ненадлежащее его исполнение [6];

3) дисциплинарная ответственность. Медицинские работники привлекаются в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения своих трудовых обязанностей (Трудовой кодекса РФ) [7];

4) административная возлагается за совершение административных проступков - несут ответственность в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [8] в форме предупреждения, штрафа, исправительных работ, назначаемых судом и др.

В то же время врачебные ошибки независимо от тяжести последствий не караются юридически, они является не криминально-правовой проблемой, а медицинской (организационно-методической). Подмена понятия «врачебная ошибка» понятием «врачебное преступление» недопустима, так как приводит к деструктивному конфликту интересов пациентов и медработников. Поэтому врачебные ошибки необходимо анализировать, а наличие врачебного преступления, прежде всего, доказывать.

Кроме того, хотелось бы отметить, несмотря на множественность исследований по вопросам правового регулирования в здравоохранении, окончательное решение по любому вопросу медицинского права выносится судебной системой РФ.

В то же время возложение всей вины в случае медицинской неудачи на медицинских работников, будет способствовать дефициту врачей. Ведь тех, кто рискнет оперировать людей или проводить какие-либо другие сложные медицинские манипуляции, имеющие риск для жизни пациента, при условии безоговорочного установления вины медицинского работника в случае неблагоприятного исхода, не останется.

Решение данной проблемы, по нашему мнению, находится в индивидуальном подходе к каждому конкретному случаю установления вины медицинского работника.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года (дата внесения последних поправок от 28 марта 2017 г. N 43-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

2. Кодекс Российской Федерации «Об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (дата внесения последних поправок от 7 марта 2017 г. N 26-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - N 1 (часть I).
3. Новосёлов В.П. Профессиональная деятельность работников здравоохранения. Новосибирск: «Наука», 2001. - С. 312.
4. Пашина Г.А., Ромодановский П.О., Баринев Е.Х. Судебная медицина в кратком изложении. Часть 2: учебное пособие для студентов юридических вузов и факультетов. М.: ЕУП Justo, 2005. - С. 160.
5. Сергеев В.В., Захаров С.О. Медицинские и юридические аспекты врачебных ошибок. // Здравоохранение РФ. - 2000. - N 1 - С. 7-9.
6. Сидоров П.И., Соловьев А.Г., Дерягин Г.Б. Правовая ответственность медицинских работников. М.: «МЕДпресс-информ», 2004. - С. 432.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ (дата внесения последних поправок от 28 декабря 2016 г. N 505-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - N 30. - ст. 3012.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - N 25. - ст. 2954.
9. Хохлов В.В., Хозяинов Ю.А. Ответственность: медицинские правонарушения. Смоленск, 2000. – С. 180.

АКТУАЛЬНЫЕ РИСКИ СТОРОН АРЕНДНОГО ДОГОВОРА

Руханов Дмитрий Сергеевич
аспирант, РЭУ имени Г.В. Плеханова,
РФ, г. Москва

ACTUAL RISKS OF THE PARTIES TO THE LEASE

Dmitrii Rukhanov
graduate student
of Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov,
Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы института аренды. Проанализировав положения Гражданского кодекса Российской Федерации, положения иных федеральных законов в сфере аренды, а также судебную практику, касающуюся института аренды, автор выделяет несколько проблем существующих в данной области, предлагая внести изменения для устранения данных проблем, а также для развития института аренды в целом.

Abstract. The article considers actual problems of the institution of lease. After analyzing the provisions of the Civil code of the Russian Federation, provisions of other Federal laws in the field of rental, as well as the jurisprudence concerning the concept of a lease, the author identifies several problems exist in this field, offering to make changes to resolve data problems and also for development of Institute of rent in General.

Ключевые слова: аренда; лизинг; договор аренды; договор лизинга; финансовая аренда; риск; риски арендных отношений.

Keywords: parking; playground; circulation; inventory; state registration.

В законодательстве о лизинге можно выделить несколько проблем, имеющих практическое значение. Среди них и проблема защиты и обеспечения прав лизингодателя, проблема взыскания выкупной стоимости имущества при расторжении договора лизинга и проблема трехсторонних взаимоотношений продавца, лизингодателя и лизингополучателя [33, с.26]. Рассмотрим названные проблемы по порядку.

По действующему законодательству лизингополучатель должен вернуть имущество лизингодателю при прекращении договора финансовой аренды.

Но все же возникают случаи, когда переданное имущество нужно вернуть лизингодателю в кратчайшие сроки. К примеру, такие случаи возникают, когда лизингополучатель не платит лизинговые платежи, и есть вероятность, что имущество может быть передано третьим лицам.

Право беспорочного списания денежных средств со счета лизингополучателя, право на досрочное расторжение договора и возврат переданного имущества и взыскание убытков является обеспечением прав лизингодателя. Однако данные способы нельзя в полной мере назвать действенными.

Лизингодатель может использовать свое право на беспорочное списание денежных средств лишь через два платежных периода, в течении которых лизингополучателем не исполнялась обязанность по оплате. Но у лизингополучателей существует возможность для злоупотреблений. Так лизингополучатель может закрыть расчетный счет в одном банке и открыть его в другом.

Ранее Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» [31]. давал возможность лизинговым компаниям право беспорочного изъятия своего собственного имущества, переданного по договору лизинга. После вступления в силу изменений закон такого права не дает.

Законодательство «О лизинге» [31]. не предусмотрело возможность лизингодателю изъять у лизингополучателя без расторжения договора предмет договора лизинга. Это подтверждает судебная практика: ФАС Московского округа от 15 апреля 2009г. №КГ-А40/2706-09, [21]. а также Постановление ФАС Поволжского округа от 25 февраля 2009 г. №А12-14276/2008 [24].

Процедура расторжения договора лизинга и возврат имущества в судебном порядке занимает длительное время. За это время имущество, составляющее предмет договора лизинга, может подвергнуться значительному износу или быть отчужденным в пользу третьих лиц.

Также стоит заметить, что изъятие имущества не будет выгодно лизингодателю в экономическом плане, так как шансы на реализацию вторичного имущества падают. Также имущество может быть приспособлено только лишь под определенную задачу. И использовать имущество для собственных нужд лизингодателю не всегда представляется возможным, так как лизингодателем обычно выступают специализированные организации.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что для лизингодателей деятельность из договора лизинга остается рискованной.

Рассмотрим другую проблему, связанную с взысканием выкупной стоимости имущества при расторжении договора лизинга.

По действующему законодательству в договоре лизинга стороны могут предусмотреть, что предмет лизинга перейдет в собственность лизингополучателя по истечении срока договора или до его истечения, если такие условия предусмотрены сторонами. В данном случае в состав лизинговых платежей могут включать выкупную цену предмета лизинга. Лизингополучатель обязан вернуть лизингодателю предмет договора при досрочном расторжении такого договора.

Однако обязанность лизингодателя вернуть денежные средства, которые были получены в качестве выкупной цены, не прописана в законодательстве. Такие денежные средства могут рассматриваться как неосновательное обогащение на основании статьи 1102 ГК РФ [5]., так как на момент расторжения договора основания для удержания этих денежных средств отпали. Согласно пункту 3 статьи 1103 ГК РФ [5] правила, предусмотренные главой о неосновательном обогащении, также подлежат применению и по отношению к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством.

По вопросу о взыскании лизингополучателем выкупной стоимости при расторжении договора лизинга не было однозначной позиции судов.

Одна часть судей говорит о возможности взыскания выкупной стоимости как неосновательного обогащения (определение ВАС РФ от 23.03.2010 г. №ВАС-3088/10 по делу № А73-5555/2009 [13]; постановление ФАС Дальневосточного округа от 23.11.2009 г. № Ф03-6279/2009 по делу № А73-5555/2009 [20]; постановление ФАС Волго-Вятского округа от 19.06.2006 г. по делу №А43-29899/2005-12-914 [19]. При этом можно отметить, что суды, оценивая полученную лизингодателем выкупную стоимость как неосновательное обогащение, приходят к таким выводам: выкупная цена не является платой за пользование; выкупная цена является неосновательным обогащением, так как отсутствует встречное предоставление при расторжении договора лизинга и возврате предмета лизинга лизингодателю.

Однако же есть и противоречивая судебная практика, строящаяся на следующих тезисах:

- лизинговый платеж не рассматривается как несколько самостоятельных платежей, он является единым платежом, хоть и состоит из нескольких составляющих;

- как неосновательное обогащение выкупная стоимость, входящая в состав лизинговых платежей рассматриваться не может, так как между сторонами существуют договорные отношения, в то время как неосновательное обогащение возникает, когда между сторонами нет установленной законом связи.

Данные тезисы подтверждаются различными судебными актами: постановление ФАС Московского округа от 03.07.2008 г. №КГ-А40/5696-08 по делу № А40- 68018/06-78-1180 [28]; постановление ФАС Московского округа от 24.06.2008 г. №КГ-А40/4250-08 по делу № А40- 73698/06-44-1164 [22]; постановление ФАС Поволжского округа от 19.08.2009 г. по делу №А12-20251/2008 [23]. Такая противоречивость в судебной практике легко объяснялась отсутствием разъяснений высшей судебной инстанции по данному вопросу. Однако же в своем постановлении Президиума ВАС РФ от 18.05.2010 г. №1729/10 [25] суд высказал точку зрения, по которой при расторжении договора и возврате предмета лизинга основания для удержания таких денежных средств перестают существовать и для лизингодателя данные средства становятся неосновательным обогащением.

Также ВАС РФ в своем постановлении отметил, что обязанность лизингодателя вернуть часть денежных средств возникает и в случае, когда выкупная цена не установлена сторонами. В таких случаях следует опираться на пункт 3 статьи 424 ГК РФ, согласно которому выкупной следует считать цену, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, в том числе и по сроку использования. Данная позиция покончила с противоречивостью судебной практики в данном вопросе, но возник и ряд других проблем, в частности, связанных с определением размера выкупной стоимости в конкретных договорах лизинга.

Среди проблем можно выделить и проблему трехсторонних взаимоотношений продавца, лизингодателя и лизингополучателя при заключении и исполнении договора лизинга.

Данную проблему можно объяснить сочетанием обычных прав и обязанностей арендодателя и арендатора со специфическими, связанными с необходимостью приобретения арендодателем имущества для передачи его арендатору. Также стороны лизинговых отношений связаны между собой отдельными договорами, а не единой сделкой. То есть мнение большинства ученых-правоведов, что лизинговые отношения — это не единая трехсторонняя сделка, а составляющая двух типов договоров: договора купли-продажи и договора аренды [10, с. 347]. Данные особенности породили ряд проблем, в частности связанных с ответственностью сторон в правоотношениях между ними. К примеру, одна из проблем состоит

в ответственности продавца перед лизингополучателем, так как лизингополучатель фактически обладает правами и обязанностями покупателя, кроме обязанности оплатить приобретенное имущество, как если бы он был стороной договора купли - продажи указанного имущества, но без согласия арендодателя он не может расторгнуть договор купли-продажи с продавцом. Такое обстоятельство предоставляет возможность злоупотребить своими правами продавцу и арендодателю, если предоставленное имущество нарушает условия договора купли-продажи о качестве.

Можно выделить и проблему ответственности лизингодателя за неисполнения обязанности по уведомлению продавца о лизингополучателе, так как отсутствие уведомления продавца и невозможность лизингополучателя предъявлять требования к продавцу ставит лизингополучателя в невыгодное положение, ведь по общему правилу лизингодатель не отвечает за выполнение продавцом требований по договору купли-продажи перед лизингополучателем. Лизингополучатель в такой ситуации не может предъявить требования ни к лизингодателю, ни к продавцу.

На данный момент в законодательстве о банкротстве отсутствуют специальные нормы о банкротстве лизингодателя или лизингополучателя. Банкротство одной из сторон проводится на основании общих положений ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [30]. и ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» [31]. Однако данные правила не позволяют надлежащим образом защитить интересы одной из сторон при банкротстве другой. Нормы законодательства о банкротстве прерогативны над общими нормами права, они имеют свою специфику. При банкротстве лизингополучателя лизингодатель может лишиться права возвратить переданное имущество. Судебная практика в данном вопросе неоднозначна. Можно выделить тенденцию, что если вся сумма лизинговых платежей, в том числе имущества, включена в реестр требований кредиторов лизингополучателя, то лизингодатель не имеет возможности требовать возврата лизингового имущества. Иначе это поставило бы лизингодателя в более выигрышное положение перед остальными кредиторами. Если же лизингодатель получает от должника платежи по договору лизинга в преддверии банкротства, это может повлиять на интересы остальных кредиторов. Арбитражный управляющий будет вправе оспорить такую сделку и взыскать деньги в пользу лизингополучателя.

Стоит отметить, что в ФЗ «О защите конкуренции» [29] лизинговые компании признаются финансовыми организациями, однако в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» лизинговые компании единственные из перечня финансовых организаций, не имеющие

регулирование особенностей банкротства в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» [30].

Исходя из всего вышесказанного, автор считает, что урегулировать проблемы, связанные с банкротством сторон лизингового договора необходимо путем внесения изменений и установления порядка регулирования банкротства на законодательном уровне. В частности, установить процедуру возврата имущества, принадлежащего лизингодателю в случаях, если в отношении лизингополучателя введена процедура банкротства, закрепление невозможности одностороннего расторжения договоров арбитражными управляющими и, таким образом, обеспечить гарантии лизингополучателя в отношении предмета лизинга, закрепление возможности обеспечить выполнение обязательств по уплате лизинговых платежей с помощью банковских гарантий. Автор полагает, что наиболее приемлемый вариант - это принятие 9 параграфа «Особенности банкротства сторон лизингового договора» в главе 9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [30].

Проблема содержится в части 3 статьи 614 Гражданского кодекса РФ, [5] которая говорит о том, что стороны могут менять размер арендной платы, если договор не предусматривает иное, но изменение должно происходить не чаще одного раза в год. А также статья говорит, что законом могут быть предусмотрены и иные сроки пересмотра размера платы для отдельных видов аренды либо аренды отдельных видов имущества. Законодатель определяет именно такое содержание данной статьи, принимая во внимание тот факт, что договоры аренды заключаются обычно на долгий срок и достаточно подвержены изменениям экономической обстановки. Условие о пересмотре арендной платы не более одного раза в год было сделано в целях стабилизации рыночных отношений [2, с. 68]. Исключение было сделано только для договора лизинга (статья 28 Федерального закона от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)») [32]. Из абзаца 2, 3 п. 21 Постановления Пленума ВАС РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 [15] ясно, что данная норма является диспозитивной и изменять условие о размере платы чаще раза в год, даже если указание на возможность изменения отсутствует в договоре, допустимо по соглашению сторон. При этом в п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66, Высший Арбитражный Суд занимал противоположную позицию [8]. Однако если в соответствии с законом или договором арендодатель имеет право в одностороннем порядке изменять размер арендной платы (ст. 310 ГК), то по смыслу п. 3 ст. 614 ГК РФ такое изменение может осуществляться им не чаще

одного раза в год. Правоприменителем была сформирована позиция, согласно которой, если в отсутствие государственного регулирования арендной платы, договор аренды предусматривает право арендодателя в одностороннем порядке изменять ее размер, то в случаях, когда будет доказано, что в результате такого одностороннего изменения она увеличилась непропорционально изменению средних рыночных ставок, уплачиваемых за аренду аналогичного имущества в данной местности за соответствующий период, и существенно их превысила, что свидетельствует о злоупотреблении арендодателем своим правом, суд на основании п. 2 ст. 10 ГК РФ отказывает во взыскании арендной платы в части, превышающей названные средние рыночные ставки (п. 22 Постановления Пленума ВАС РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 (в ред. Постановления Пленума ВАС РФ от 25 января 2013 г. N 13)) [17] с целью, чтобы право арендодателя в одностороннем порядке изменять размер арендной платы не приводило к неравному размеру обязательств сторон. Стоит также отметить, что как в данном вопросе, так и в других вопросах касающихся арендной платы, сложилась судебная практика, направленная на защиту интересов арендатора (Уральского округа от 06.05.2009 № Ф09-2678/09-С6 и от 18.06.2004 № Ф09-1792/04-ГК, постановления ФАС Московского округа от 18.03.2010 № КГ-А40/1860-10, от 14.01.2010 № КГ-А41/14499-09, от 27.08.2007 и 03.09.2007 № КГ-А40/8421-07, Поволжского округа от 06.05.2010 по делу № А06-2184/2009, от 18.11.2008 по делу № А12-6018/08 и от 23.03.2006 по делу № А65-6989/2005-СГ2-24) [27]. Учитывая все выше сказанное, автор предлагает внести изменения в часть 3 статьи 614 ГК РФ.

Также пришло время, когда нужно рассмотреть предложение по использованию в качестве предмета договора аренды нематериальных объектов, как-то происходит при договоре аренды игроков, лизинга персонала, инновационного лизинга. То есть пересмотр положений статьи 607 Гражданского кодекса РФ. Главное обоснование данного предложения состоит в экономических преимуществах и решении экономических проблем. Включение необычных объектов договорных отношений в оборот выдвигалась и ранее, например, доктором юридических наук Кокоевой Луизой Темболатовной в своей докторской диссертации [11, с. 12]. Среди таких необычных объектов называется аренда рабочего времени техники, наем персонала, аренда веб-сайтов, аренда выделенных каналов связи и т. п., ранее не включавшимся в оборот. Высказывается предложение отказаться от сложившегося в последнее время постулата о невозможности признать какой-либо объект, включенным в сферу гражданско-правового регулирования без его легитимации, т. е. без прямого указания законодателя о его

существовании. В подобных случаях было бы правильно применять нормы ст. 6 ГК РФ (т. е. применять гражданское законодательство по аналогии).

Следующая проблема - это использование в качестве объекта договора аренды «аренду будущей вещи», т. е. аренды объекта, который еще не был создан. Судебная практика в данном вопросе остается противоречивой, суды как признают за участниками оборота права на заключение предварительных договоров до регистрации права на объект недвижимости, так и нет. Так же остаются противоречивыми и действия Росреестра в части регистрации таких действий. Стоит отметить, что связанные с данным вопросом Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 66 от 11.01.2002 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» [9]; Постановления Пленума ВАС РФ № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса РФ о договоре аренды» [17]; Постановление Пленума ВАС от 25.01.2013 № 13 «О внесении дополнений в Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» [15] проблему не решили.

Проблема аренды необособленной части здания. Аренда необособленной части здания наиболее часто применяется в торговых центрах, когда собственник помещения делит здание на секции перегородками и эти секции сдает на время третьим лицам. И часто такие договоры называют арендными. Но возникает проблема в соотношении со статьей 607 ГК РФ, где говорится, что в собственность сдаются вещи, а в данном случае это не вещь, а просто поделенное пространство, которое вещью не признается. Получается, что такой договор не укладывается в идею статьи 607 ГК РФ. Стоит отметить, что подобные договоры также называют договорами возмездного оказания услуг, хотя никакого возмездного оказания услуг тут нет. Исходя из Информационного письма №66 от 11.01.2002 года «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» [8], а также из Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» [16], делается вывод, что такие договоры признаются как договоры, непоименованные в Гражданском кодексе. При этом в Постановлении Пленума говорится, что к таким договорам следует применять нормы Гражданского кодекса РФ об аренде. Возникают проблемы описания и регистрации такого объекта, составления кадастрового паспорта и постановки на кадастровый учет.

Считаю возможным высказать предложение по возврату оперативного и возвратного лизинга в законодательство. Понятия оперативного и возвратного лизинга исключили из закона в 2002 году. Проблема была как в том, что необходимо было не только корректировать законодательство о лизинге, но и в налоговых органах, которые оспаривали правомерность применения к оперативному лизингу налоговых преимуществ, предоставляемых участникам лизингового договора, применяя штрафные санкции. Однако Высший арбитражный суд Российской Федерации в ряде постановлений пришел к выводу, что такие сделки «экономически обоснованы, имеют разумные хозяйственные мотивы и цели для обеих сторон», и поэтому не направлены на необоснованную налоговую экономию. (Постановление Президиума ВАС РФ от 16.01.2007 № 9010/06) [18]. Отсутствие возможности применять данные виды лизинга не только тормозит развитие малого и среднего бизнеса, но и затрудняет доступ к отличному инструменту модернизации и внедрения современных технологий. Интересно будет отметить, что в Законе «О лизинге» Республики Казахстан определение возвратного лизинга есть. Также в данном законе выделяются и другие разновидности лизинга, такие как: вторичный лизинг, банковский лизинг, чистый лизинг, исламский лизинг [7].

Также существует проблема признания в качестве предмета аренды, аренду части вещи, как то «машино-место». Проблема существует в части определения и возможности регистрации «машино-места». С 1 января 2017 года вступили в силу изменения в законодательство, дающие машино-местам статус объекта недвижимости. Законодателем введено понятие машино-места, в соответствии с которым машино-место - предназначенная исключительно для размещения транспортного средства индивидуально-определенная часть здания или сооружения, которая не ограничена, либо частично ограничена строительной или иной ограждающей конструкцией и границы которой описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке» (п. 29 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ [4]). Одновременно с поправками в Градостроительный кодекс также внесены изменения и в ст. 130 Гражданского кодекса РФ, где уточняется, что к недвижимым вещам относятся в том числе предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке. При этом машинное место может быть ограждено стенами или иными конструктивными

элементами, либо вообще не иметь ограждений и представлять собой обычную площадку. Если проанализировать эту новеллу, то можно понять, что площадка считается машино-местом только когда она неразрывно связана с объектом - домом, зданием или постройкой. Таким образом парковки во дворах, на обочинах дорог и даже на отдельных стоянках не считаются машино-местами. Границы машино-места определяются проектной документацией здания, сооружения и обозначаются или закрепляются лицом, осуществляющим строительство или эксплуатацию здания, сооружения либо обладателем права на машино-место, в том числе путем нанесения на поверхность пола или кровли разметки (краской, с использованием наклеек или иными способами). Границы машино-места на этаже, при отсутствии этажности - в здании или сооружении устанавливаются либо восстанавливаются путем определения расстояния от не менее двух точек, находящихся в прямой видимости и закрепленных долговременными специальными метками на внутренней поверхности строительных конструкций этажа (стенах, перегородках, колоннах, на поверхности пола, до характерных точек границ машино-места (точек деления границ на части), а также расстояний между характерными точками границ машино-места (п. 6.2. статьи 24 Закона № 218-ФЗ) [32]. До принятия изменений в законодательство и признания законодателем «машино-места» объектом недвижимости суды по разному подходили к данному вопросу. Некоторые суды признавали «машино-место» недвижимой вещью, при этом в связи с особенностью ведения кадастра объектов недвижимости «машино-место» относили к числу помещений [14]. Второй подход судебной практики - непризнание «машино-места» вещью, в том числе недвижимой в связи с тем, что у «машино-места» нет границ, воспринимаемых чувственно либо через систему объективных координат. Принятые изменения позволяют вести кадастровый учет и оформления в собственность «машино-мест», которые входят в состав зданий и сооружений. То есть данные участки считаются самостоятельными объектами недвижимого имущества. Считаю, что принятие изменений в том виде, в котором они были приняты сейчас, не решило проблем с данным объектом недвижимости. Признание «машино-места» частью другого недвижимого имущества сулит проблемы владельцам такого имущества при его продаже. Собственник должен будет предложить выкупить имущество другим владельцам долей. С практической точки зрения необходимо определить: что должно являться предметом, как право на объекты должно сосуществовать с правами третьих лиц, следует ли учитывать преимущественные права других лиц,

определение правил пользования «машино-местом». Закон не называет признаков, необходимых для индивидуализации «машино-места». Если рассматривать принадлежность «машино-места» к квартире, а не к дому, то это в целом неплохая идея, высказываемая достаточно давно, однако на практике не реализуема из-за малого количества покупателей, живущих в одном доме. Именно поэтому очень часто подземные гаражи строятся не как подземные гаражи под домом, а как отдельное здание рядом с ним.

Принятые изменения направлены на отрицание необходимости механизмов индивидуализации и обособления. В связи с отсутствием единой концепции о статусе машино-места предлагается обратиться к опыту зарубежных право порядков, наиболее близких к нам по правовой традиции.

Обратившись к иностранному законодательству, мы сможем найти там способы регулирования статуса машино-места. В Федеративной Республике Германии парковочные места обычно являются объектом общей собственности [6, С. 715]. Но могут быть и объектом отдельного права собственности по соглашению или волеизъявлению о разделе. Согласно Закону о жилищной собственности в Германии отдельное право собственности образуется только при должном образом обособленном помещении. А для обособления парковочного места достаточна длительная маркировка. Парковочное место должно быть выделено таким образом, чтобы не было сомнений в существовании в его отношении права собственности других лиц, а третьи лица не могут беспрепятственно использовать такое помещение. Если же «машино-место» необособленно, то оно является объектом права отдельного пользования, в соответствии с которым собственник получает право единоличного пользования частью общей собственности, которому не могут воспрепятствовать третьи лица. Право же самостоятельного пользования возникает из договора между собственником и товариществом собственников жилья. Право пользования по такому соглашению получает только такой собственник. И даже если квартира, к которой относится парковочное место, перейдет в собственность другого владельца, то новый владелец не будет уполномоченным пользователем парковочного места. Чтобы им могли пользоваться и последующие собственники квартиры, договору необходимо придать вещный характер, заключив его в нотариальной форме и зарегистрировав в поземельной книге. Тогда право самостоятельного пользования станет содержанием права жилищной собственности.

Законодательство Австрийской республики признает парковочные места самостоятельными объектами жилищной собственности [3, С. 261]. Парковочные места являются четко ограниченными с помощью маркировки территориями, служащими только лишь для стоянки автотранспортных средств и подходят для этого в полном соответствии с ее размером, положением и состоянием.

Однако совсем недавно в законодательстве Австрии право жилищной собственности признавалось только лишь на самостоятельные обособленные помещения, которые предназначены для стоянки автомобилей. А также право жилищной собственности распространялось на четко ограниченные машино-места в зданиях, которые специально построены для парковки автомобилей. Например, такими объектами признавались гаражные боксы и машино-места в парк-хаусах. Другие же места являлись принадлежностью права на помещение в доме. Но с 2002 года после внесения изменений право собственности может быть признано и на парковочные места, которые находятся на земельном участке.

Однако после внесения изменений появились некоторые проблемы. В частности, стало возможным появление двух категорий собственников: собственники, которые владеют жилым либо иным помещением в собственности, и собственники, которые владеют только машино-местами. Из-за этого пришлось вводить ограничения на срок три года с момента придания машино-месту статус самостоятельного объекта права собственности. Ограничение заключалось в том, что машино-место может принадлежать только лицу, который имеет в собственности какое-либо иное помещение в здании, а также лицо вправе приобрести более одного «машино-места», но только если их число больше, чем количество собственников помещений. В эти три года, машино-место может быть отчуждено, однако право на него зарегистрировано не будет и, чтобы гарантировать покупателю его права, прибегают к заключению договора аренды с правом выкупа и установлению сервитутов на право парковки транспортных средств [26].

Необходимо отметить, что полезным для развития статуса «машино-места» в России было бы применение кадастрового учета аналогичному, предусмотренному в Королевстве Нидерланды, а именно применение 2,5D-кадастра и 3D-кадастра. При этом применение 3D регистрация в Нидерландах пока является дополнительной по отношению к 2D или 2,5D. Переход на 2,5D-кадастр был осуществлен из-за необходимости отображать объекты, находящиеся под землей и знать, кому они принадлежат. Также 2,5 D-кадастр может применяться для описания объектов капитального строительства, дает возможность

устанавливать права на объект учета в объеме. Такой кадастр уже действует в Белоруссии, Норвегии, Швеции. При этом во многих странах уже пытаются создать 3D-кадастр, который дает представление не только о земельных участках, но и об объектах недвижимости [1, с. 60]. Введение 2,5D-кадастра и 3D-кадастра позволит решить некоторые проблемы создания машино-места, в частности поможет определению самого объекта.

Можно сделать выводы, что по поводу правового статуса «машино-мест» нет четкой позиции, а законодательство в данной сфере представляется «сырым». Чтобы «машино-место» в полной мере стало полноценным объектом недвижимости и полноценным объектом гражданского оборота, необходимо провести грандиозную работу по изменению других законодательных актов, в том числе федеральных законов. А огромное количество сделок с такими объектами, показывает, что рано или поздно такие изменения внести будет просто необходимо.

Считаю необходимым вынести предложение по внесению изменений в пункт 6 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса РФ о договоре аренды» [15]. Правовая позиция ВАС РФ в данной части, с точки зрения автора, нуждается в корректировке. В первую очередь это касается проблемы выкупа арендуемых объектов субъектами малого и среднего предпринимательства. Федеральным законом от 22.07.2008 № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательств [12], и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» отдельными положениями обусловлен запрет на включение в договор купли-продажи условий о сохранении обязательств по внесению покупателем (арендатором) арендной платы после его заключения. Статья 3 данного закона содержит понятие преимущественного права на приобретение арендуемого имущества, а также определяет условия его реализации. Статья 5 этого же закона устанавливает порядок оплаты государственного или муниципального имущества, приобретаемого его арендаторами при реализации преимущественного права на его приобретение. В данных нормах нет однозначного запрета на внесение соответствующих условий в заключаемый с такими арендаторами договор продажи недвижимости.

Единственное правило, которое касается специфики данного вида договоров, относится к особенностям приобретения такими арендаторами имущества в рассрочку. Как видно из содержания статьи 5 названного федерального закона запрет на включение в заключаемый с такими арендаторами договор продажи недвижимости (или иное соглашение) условий о сохранении обязательств по внесению покупателем (арендатором) арендной платы после его заключения законодателем не установлен. Таким образом в пункт 6 Постановления № 73 должны быть внесены соответствующие изменения об исключении запрета на включение соответствующего условия в договоры купли-продажи недвижимости, заключаемые с данной категорией арендаторов.

Представленные в статье проблемы не отражают полностью всех существующих проблем института аренды, хотя принятые ранее постановления пленума ВАС РФ и информационные письма помогли сделать применение законодательства более единообразным и решить некоторые существовавшие ранее проблемы. Меньше всего изменений в гражданском кодексе было сделано именно в главе по аренде. Считаю, что именно сейчас настала пора таких изменений в законодательство об аренде, и это подтверждает и экономическая, и социальная ситуация в стране.

Список литературы:

1. Беляев В.Л., Романов В.М. «Опыт и перспективы применения 3D кадастра при управлении градостроительным развитием подземного кадастра» // журнал «Имущественные отношения в Российской Федерации» № 1 (148) 2014 г. С. 60.
2. Вавилин Е.В. «Арендная плата: вопросы правоприменительной практики» // Вестник Пермского Университета № 1 2014 / г. Москва 2014 г. С. 68
3. «Всеобщий гражданский кодекс Австрии» от 01.06.1811 // М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 3 - 261.
4. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ // «Российская газета», № 290, 30.12.2004,
5. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 410.
6. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. - 4-е изд., перераб.- М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII - XIX, 1 - 715.
7. Закон Республики Казахстан от 5 июля 2000 года № 78-II «О финансовом лизинге» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.04.2015 г.) [Электронный ресурс].// Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1018949 (Дата обращения 04.04.2017).

8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 N 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // СПС «Консультант-плюс».
9. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 N 66 // «Вестник ВАС РФ», N 3, 2002.
10. Козырь О.М. Аренда (глава 34) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно - предметный указатель. / О.М. Козырь – М.: Юрист, 2011. с. 347.
11. Кокоева Л.Т. «Основные проблемы гражданско-правового регулирования арендных отношений» // диссертация д.ю.н.12.00.03 // Самара; 2004 г. С. 12
12. «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // «Российская газета», N 158, 25.07.2008.
13. Определение ВАС РФ от 23.03.2010 N ВАС-3088/10 по делу N А73-5555/2009// СПС «Консультант-Плюс».
14. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 27 ноября 2007 г. № 09АП-14354/2007-ГК; Постановление ФАС Западно - Сибирского округа от 19 октября 2005 г. № Ф04-2770/2005(16022-А70-26) // СПС Консультант-Плюс.
15. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 N 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // СПС «Консультант-плюс».
16. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания». // СПС «Консультант-плюс».
17. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.01.2013 N 13 «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 N 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // «Вестник ВАС РФ», N 4, апрель, 2013,
18. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.01.2007 N 9010/06 по делу N А40-58457/05-98-453// «Вестник ВАС РФ», 2007, N 3
19. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 19.06.2006 г. по делу № А43-29899/2005-12-914 // СПС «Консультант-Плюс».
20. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 23.11.2009 г. № Ф03-6279/2009 по делу № А73-5555/2009 // СПС «Консультант-Плюс».
21. Постановление ФАС Московского округа от 15.04 2009 г. № КГ- А40/2706-09 // СПС «Консультант-плюс».

22. Постановление ФАС Московского округа от 24.06.2008 г. № КГ-А40/4250-08 по делу № А40- 73698/06-44-1164 // СПС «Консультант-Плюс».
23. Постановление ФАС Поволжского округа от 19.08.2009 г. по делу № А12-20251/2008 // СПС «Консультант-Плюс».
24. Постановление ФАС Поволжского округа от 25 февраля 2009 г. № А12-14276/2008 // СПС «Консультант-Плюс».
25. Постановлении Президиума ВАС РФ от 18.05.2010 г. №1729 // 10 СПС «Консультант-Плюс».
26. Старцева Ю.В. «Правовой статус машиномест в Германии и Австрии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mlogos.ru/img/U_Starceva_mashinomesto_Germ_Avstr_KS_21092015.pdf (Дата обращения 02.02.2017).
27. Уральского округа от 06.05.2009 № Ф09-2678/09-С6 и от 18.06.2004 № Ф09-1792/04-ГК, постановления ФАС Московского округа от 18.03.2010 № КГ-А40/1860-10, от 14.01.2010 № КГ-А41/14499-09, от 27.08.2007 и 03.09.2007 № КГ-А40/8421-07, Поволжского округа от 06.05.2010 по делу № А06-2184/2009, от 18.11.2008 по делу № А12-6018/08 и от 23.03.2006 по делу № А65-6989/2005-СГ2-24.
28. ФАС Московского округа от 03.07.2008 г. №КГ-А40/5696-08 по делу № А40- 68018/06-78-1180 // СПС «Консультант-Плюс».
29. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О защите конкуренции» // «Российская газета», N 162, 27.07.2006.
30. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О несостоятельности (банкротстве)» // «Российская газета», N 209-210, 02.11.2002.
31. Федеральный закон от 29.10.1998 N 164-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О финансовой аренде (лизинге)» // «Российская газета», N 211, 05.11.1998.
32. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // «Российская газета», N 156, 17.07.2015.
33. Харитоновна Ю.С. «Проблемы правовой теории договора лизинга» // «Черные дыры в российском законодательстве». 2002. № 2. с. 26.

ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА

Шляхтин Игорь Сергеевич

аспирант,

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
РФ, г. Москва*

THE NATURAL LAW FOUNDATION OF THE PRINCIPLES OF FREEDOM OF CONTRACT

Igor Shlyakhtin

post-graduate student,

*Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov,
Russia, Moscow*

Аннотация. Известно, что в современном гражданском праве, как в России, так и за рубежом, наблюдаются две противоположные тенденции. С одной стороны, все большее признание свободы договора как одного из основных начала частного права, наиболее значимое проявление частной автономии и гарантии свободы личности. С другой стороны, повсеместное установление правовых ограничений данной свободы в тех или иных особо значимых целях, в том числе с целью защиты слабой стороны договора. Статья посвящена первой из названных тенденций: в ней рассматриваются естественно-правовая сущность свободы договора и формы ее проявления. Исследование правовой природы договорной свободы позволяет более целостно взглянуть на наблюдаемые процессы.

Abstract. It is known that there are two opposing tendencies in the modern civil law of Russia and foreign countries. On the one hand, the increasing recognition of freedom of contract as the primary origin of private law, the most significant expression of private autonomy and the guarantee of individual freedom. On the other hand, the widespread legal restriction of this freedom in certain especially significant purposes, in particular to protect the weaker party. The article is devoted to the first of these trends: it discusses the natural law essence and forms of expression of freedom of contract. A research of the legal nature of contractual freedom allows a more coherent look at the ongoing processes.

Ключевые слова: свобода; личность; экономическая деятельность; договор; автономия; равенство; Европейский союз; Евразийский экономический союз.

Keywords: freedom; individual; economic activity; contract; autonomy; equality; European Union; Eurasian Economic Union.

«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства», – провозглашает Всеобщая декларация прав человека (ст. 1). Признание прав и свобод человека высшей ценностью является характерной чертой современного общества и основой конституционного строя всякого государства, определяемого как демократическое. В экономической сфере общества одной из форм проявления свободы личности является свобода экономической деятельности. Провозглашение свободы экономической деятельности одной из экономических основ конституционного строя, а права каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной (не запрещенной законом) экономической деятельности – одним из основных прав и свобод человека и гражданина, характерно для большинства современных конституций.

В свою очередь, свобода экономической деятельности вкупе с правом каждого на свободное использование своих способностей и имущества для экономической деятельности подразумевает, среди прочего, свободу гражданско-правового договора. Родовидовая связь между свободой экономической деятельности (основой конституционного строя) и свободой договора (основным началом гражданского права) повсеместно отмечается в отечественной научной литературе [4, с. 48; 8, с. 129; 11, с. 191; 13, с. 73; 14, с. 193]. С.С. Алексеев называл свободу договора одним из важнейших демократических завоеваний России, предназначенных для конституирования последовательно правового и политического строя российского общества [2, с. 225]. Также и В.А. Рахмилович отмечал, что принцип свободы договора является необходимым элементом правовой системы, поскольку экономическую основу рыночной экономики составляют начала свободы [20, с. 28]. Конституционную природу принципа свободы договора подтверждает и Конституционный Суд РФ [18].

Особая естественно-правовая природа свободы договора отмечается и в зарубежной юридической литературе [26, с. 23]. Так, по словам Х. Кётца и Ф. Лорана, свобода договора в Германии «означает, что в принципе каждый волен самостоятельно решать, заключать или не заключать договор, и с кем его заключать. Только в исключительных

случаях устанавливается так называемая обязанность заключить договор» [9, с. 39]. «В немецкой правовой науке, – отмечает Ю. Базедов, – свобода договоров рассматривается как наиболее значительное проявление независимости личности и, следовательно, как гарантия индивидуальной свободы. В позитивном праве это закреплено в п. 1 ст. 2 Конституции Германии» [5, с. 89]. основополагающим принципом экономического регулирования и одним из основных начал частного права свобода договора признается и в других государствах-членах Европейского союза. В России, равно как и во всех других государствах-членах Евразийского экономического союза, свобода договора считается одним из основных начал гражданского законодательства. В целом можно сказать, что принцип свободы договора приобретает все более общепризнанный характер и становится «одним из фундаментальных начал законодательства всех современных государств» [3, с. 57].

Основополагающее значение принципа свободы договора для гражданского оборота отмечали еще классики отечественной цивилистики. Так, Г.Ф. Шершеневич писал: «Свобода договора, с устранением субъективных ограничений, а также формализма, стала рядом с правом частной собственности одной из главных основ современного правопорядка» [24, с. 78]. Как верно замечал И.А. Покровский, «всякий договор является осуществлением частной автономии, которая составляет необходимую предпосылку самого гражданского права. Вместе с началом частной собственности этот принцип служит краеугольным камнем всего современного гражданского строя» [17, с. 249–450]. В современной цивилистической доктрине принцип свободы договора также занимает место среди основных начал гражданского (шире – частного) права. «Принцип свободы договора является основополагающим для развития имущественного (гражданского) оборота», – пишет Е.А. Суханов [21, с. 76]. «...Свобода договора... – это принцип, интегрирующий всю структуру и систему договорных отношений в единое целое», – отмечает Е.О. Паулова [16, с. 13].

Свобода договора тесно связана с другими принципами гражданского права, в том числе юридического равенства и автономии воли, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела и необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, а также требованиями добросовестности, разумности и, наконец, справедливости, на что тоже повсеместно указывается в научной литературе. Тесную связь свободы договора с другими основными началами гражданского законодательства признает и Конституционный Суд РФ [19]. Особо отмечается связь свободы договора с юридическим равенством и автономией воли. «...Принцип свободы договора

граничит с принципом свободы воли и связан с понятием собственного интереса», – отмечает А.Я. Рыженков и уточняет: «Такое сложное и неоднозначное понятие, как свобода, с правовой точки зрения традиционно толкуется как возможность действовать в своей воле и в своем интересе в предусмотренных и не предусмотренных законом обстоятельствах, но при этом не нарушая закона» [22, с. 67]. По словам С.С. Алексеева, равенство участников гражданского оборота, недопустимость наличия у них каких-либо преимуществ, неприкосновенность собственности, судебная защита, недопустимость вмешательства кого-либо в частные дела, еще более – правовая автономия, диспозитивность, способность самому, своей волей и в своем интересе определять условия своего поведения, договорный метод определения взаимоотношений – все это есть не что иное, как определяющие черты и ориентиры современного гражданского общества в целом, при этом закрепленные в гражданском законодательстве [1, с. 21].

По своей сути свобода договора есть проявление автономии воли, как одного из основных начал общественных отношений, регулируемых гражданским правом. Значение свободы договора для гражданского оборота определяется значимостью самого гражданско-правового договора, как одного из правовых регуляторов экономических (имущественных) отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся между частными лицами (сторонами договора). Раскрывая экономический смысл правового принципа договорной свободы, цивилистическая доктрина традиционно рассматривает договор как правовую форму экономических отношений обмена. При этом особо выделяется регулятивная функция договора как соглашения двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении их гражданских прав и обязанностей. Принцип свободы договора придает осуществляемому частными лицами посредством соглашений индивидуальному правовому регулированию экономических отношений автономный характер. Аналогичные взгляды на сущность и значение свободы договора выражает и зарубежная цивилистика. Так, по словам К. Осаке, «свобода договора позволяет контрагентам управлять своими делами без вмешательства извне, создавать «свое частное право», которое наряду с судебным правом и законодательством является обязательным источником права. Правовое закрепление этой свободы считается первостепенной задачей права договора. То есть сущность... договорного права заключается в подтверждении свободы частных лиц заниматься частным правотворчеством» [15, с. 85].

Принцип свободы договора является обобщенным понятием: он включает в себя множество элементов (аспектов), зачастую именуемых формами проявления свободы договора. В гражданском

праве свобода договора обнаруживает себя в различных юридических возможностях, признаваемых за договаривающимися лицами (контрагентами). Конкретизируясь в нормах гражданского права, (конституционный) принцип свободы договора, тем самым, получает в них свое содержательное наполнение и, благодаря этому, более ясно раскрывает свой действительный частноправовой смысл. Как в отечественной, так и в зарубежной цивилистике существуют различные подходы к определению содержания свободы договоров. Мнения ученых по вопросу о формах проявления свободы договора отличаются чрезвычайным разнообразием, на что неоднократно указывалось и в самой научной литературе [6, с. 31]; [10, с. 58]; [13, с. 74].

По смыслу ст. 421 ГК РФ, свобода договора имеет три основные формы проявления (элемента): 1) свобода заключать или не заключать договор; 2) свобода выбирать вид заключаемого договора, включая возможность заключения смешанного или непоименованного договора; 3) свобода определять условия договора. Эти элементы традиционно выделяются в юридической литературе. Между тем есть и иные подходы к содержанию свободы договора. В качестве самостоятельных элементов можно выделить: 4) свободу выбора контрагента по договору; 5) свободу выбора формы договора; 6) свободу выбора места и времени заключения договора, а также порядка его заключения; 7) свободу установления срока действия договора; 8) свободу изменения и расторжения договора по соглашению сторон; 9) свободу выбора права, подлежащего применению к договору. Ряд авторов в качестве форм проявления (элементов) свободы договора называет и другие юридические возможности контрагентов: 10) возможность ведения переговоров о заключении договора [16, с. 12]; [23, с. 14]; 11) возможность руководствоваться любыми мотивами и целями при вступлении (невступлении) в договор [12, с. 165]; 12) «право на односторонний отказ от исполнения договора» [25, с. 15]; 13) «свободу изменения условий договора и прекращения отдельных условий договора» [4, с. 50]; и прочие.

Представляется верным утверждение о том, что содержание принципа свободы договора, как правового регулятора экономических отношений между частными лицами, должно быть максимально всеобъемлющим и не ограничиваться лишь теми элементами, которые получили прямое отражение в ныне действующем гражданском законе и традиционно выделяются в цивилистической доктрине. В вопросе раскрытия содержания принципа свободы договора, по мнению В.С. Белых, «...не обязательно ограничиваться только теми формами, которые прямо названы в ст. 421 ГК РФ. Элементы принципа свободы договорного регулирования содержатся и в других статьях

Гражданского кодекса» [6, с. 31]. «Представляется необходимым, – пишет А.А. Волос, – признать как с научной, так и с практической точки зрения, что проявления свободы договора нельзя ограничить каким-либо закрытым перечнем» [7, с. 169].

Зарубежная, особенно англо-американская, цивилистическая доктрина в вопросе содержания свободы договора в целом придерживается «расширительного» подхода, демонстрирующего чрезвычайное многообразие форм проявления договорной свободы (несколько десятков), однако, как и отечественная, все же склонна к изложению исчерпывающего, а не открытого, перечня таких форм проявления (элементов) [15, с. 86-86]. Более умеренный, чем в англо-американском праве, но, тем не менее, многоаспектный подход к вопросу о содержании свободы договора превалирует и в Европейском союзе [5, с. 191-193].

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Частное право. Научно-публицистический очерк. – М.: Статут, 1999.
2. Алексеев С.С. Философия права. – М.: Норма, 1998.
3. Анохина Ю.С. Некоторые аспекты эволюции представлений о свободе договора в России и Европе // Нотариус. – 2012. – № 4.
4. Анохина Ю.С. Принцип свободы заключения договоров с точки зрения механизма правового регулирования // Предпринимательское право. – 2014. – № 1.
5. Базедов Ю. Свобода договоров в Европейском союзе / пер. с нем. Ю.М. Юмашев // Право. – 2011. – № 2.
6. Белых В.С. Принцип свободы договора в английском праве: доктрина и судебная практика // Право и государство. – 2015. – № 4.
7. Волос А.А. Свобода договора в российском обязательственном праве: сущность и реализация // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 2.
8. Иванов Н.В. Научно-теоретическая концепция принципа свободы договора в гражданском праве // Научное обозрение. Реферативный журнал. – 2015. – № 2.
9. Кётц Х., Лоран Ф. Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии. – М.: БЕК, 2001.
10. Климова А.Н. Особенности реализации принципа свободы договора в предпринимательских договорах // Юридическая наука. – 2016. – № 1.
11. Кратенко М.В. Злоупотребление свободой договора: постановка проблемы // Известия вузов. Правоведение. – 2010. – № 1.
12. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. – М.: Статут, 2006.

13. Кузнецова О.А. Применения судами принципа свободы договора // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – № 1.
14. Мухамедова Н.Ф. Экономическая философия свободы договора // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2007. – № 2.
15. Осакев К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения. (Начало) // Журнал российского права. – 2006. – № 7.
16. Паулова Е.О. Особенности принципа свободы договора в условиях современности // Вопросы экономики и права. – 2015. – № 5.
17. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – 3-е изд., стереотип. – М., 2001.
18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 февраля 1999 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22135 (Дата обращения: 05.04.2017).
19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июля 2001 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 статьи 21 Федерального закона «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32694 (Дата обращения: 05.04.2017).
20. Рахмилович В.А. Экономические основы государства // Право и экономика. – 1998. – № 1.
21. Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2016.
22. Рыженков А.Я. Вопросы свободы договора в свете постановления Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации № 16 // Юристъ - Правоведъ. – 2015. – № 2.
23. Синельникова В.Н., Пучков Е.А. Договор как условие предпринимательской деятельности. – М.: Викор-Медиа, 2007.
24. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). – М.: Спарк, 1995.
25. Щетинкина М.Ю. Реализация и ограничение действия принципа свободы договора: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2009.
26. Tillotson J. Contract law in perspective. – London: Cavendish Publishing Limited, 1995.

3.3. ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

КУРОРТНЫЙ СБОР

Мустафина Светлана Анатольевна

*канд. юрид. наук, ст. преподаватель, «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»,
РФ, г. Краснодар*

Колодкина Анастасия Андреевна

*студент, «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»,
РФ, г. Краснодар*

RESORT FEE

Svetlana Mustafina

*candidate of law, senior lecturer,
«Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin»,
Russia, Krasnodar*

Anastasia Kolodkina

*student, «Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin»,
Russia, Krasnodar*

Аннотация. Для повышения привлекательности российских курортов правительство Российской Федерации для регионов предлагает ввести, так называемый курортный сбор (налог) с отдыхающих. В данной статье рассматривается проблема введения курортного сбора в Краснодарском крае – одном из самых значимых, перспективных и развитых регионов России, ведущей отраслью которого является его курортно-рекреационный комплекс.

Abstract. For the increase of attractiveness of the Russian resorts the government of Russian Federation for regions suggests to enter, so-called resort collection (tax) from holiday makers. This article addresses the

problem of the introduction of tourist tax in the Krasnodar region – one of the most significant and promising and developed regions of Russia, which is the leading sector of it's resort and recreational complex.

Ключевые слова: курортный сбор; туристско-рекреационные ресурсы; туристический поток; санаторно-курортный комплекс.

Keywords: resort fee; tourist and recreational resources; tourist flow; sanatorium-resort complex.

22 сентября 2016 года президент Российской Федерации Путин Владимир Владимирович дал поручение правительству ввести курортный сбор. Результат его введения должен быть документально подготовлен к 1 марту 2017 года и взимать новый налог с туристов со следующего сезона [1].

В законодательстве Российской Федерации должны быть внесены изменения, которые предусматривают введение курортного сбора, доходы от которого могут быть направлены на развитие санаторно-курортного комплекса Российской Федерации.

26 августа на заседании Госсовета было сказано о том, что такой курортный сбор планируется вводить одновременно в пяти наиболее признанных среди туристов регионах: Крыму, Севастополе, Ставрополье, Алтайском крае и в Краснодарском крае.

Следует, отметить, какие задачи ставятся перед регионом, для каких целей вводится курортный сбор в определенных регионах страны.

Суть курортного сбора заключается в дополнении налоговой нагрузки для отдыхающих россиян и иностранцев.

Как отмечалось, выше это направлено на улучшение и развитие санаторно-курортного комплекса Российской Федерации. Так как государству не представляется возможности выделить средства для полного удовлетворения, улучшения состояния и дальнейшего развития туризма, предполагается взимание дополнительного налога с отдыхающих.

Рассмотрим один из перечисленных регионов, а именно Краснодарский край. Так, на 57-й сессии ЗСК губернатор Кубани Вениамин Кондратьев сообщил о введении курортного сбора, так как считает такой вопрос принципиально важным для региона, решение которого будет принято 1 марта 2017 года [1].

Курортный сбор – это государственное обеспечение инфраструктуры и индустрии гостеприимства. По существу – это дополнительный налог на туристов, который будет взиматься единовременно либо за каждый день пребывания отдыхающего на курорте.

Президент Российской Федерации Владимир Путин призывает с осторожностью подойти к сумме налога. Соответственно, все собранные с отдыхающих средства будут определены в специально созданные региональные фонды и будут направлены на развитие курортной отрасли.

Краснодарский край является центром внутреннего туризма всех курортных ресурсов России. И поэтому развитие курортно-туристического комплекса – одно из самых главных направлений развития края, таких как: рост материально-технической базы курортно-туристических организаций, формирование условий для результативного использования богатых, природно-климатических ресурсов края.

К выдвигению такого предложения, как введение курортного сбора, губернатору региона следует подходить с особым вниманием и осторожностью. «Федеральным законопроектом установлена максимальная планка – 150 руб. за один день проживания, и выше этого порога курортный сбор не поднимется.

Что касается прогнозов по сумме, то пока точные цифры называть преждевременно. Во-первых, окончательная величина курортного сбора пока в стадии обсуждения, во-вторых, это будет зависеть от количества туристов, которые к нам приедут в сезон-2017», - заявил губернатор Кубани [1].

Так, глава города Кисловодска Ставропольского края Александр Курбатов в интервью ТАСС сформулировал свои опасения по поводу введения сбора: «Курортный сбор, как его ни назови, по сути, для простого человека все равно будет дополнительным налогом. Мы не хотим обременять приезжающих даже небольшими увеличениями платежей.

Люди с разным уровнем дохода должны иметь возможность получать лечение, отдых, реабилитацию и профилактику. И не нужно увеличивать стоимость путевки дополнительными сборами» [2].

На наш взгляд, введение курортного сбора на большинство отдыхающих, действительно окажет негативное влияние, поскольку это окажется дополнительным бременем для приезжающих, многие просто-напросто откажутся от отдыха, кто-то отправится отдыхать за границу (Тунис, Турция, Египет).

Ведь почему туристов привлекает отдых именно за границей? Потому что там приемлемые цены, где отдыхающие могут себе позволить много и отдохнуть комфортно по сравнению с отдыхом в регионах России, в которых, к сожалению, имеются недостатки. Но те семьи, кто обеспечен финансами, смогут себе позволить отдыхать и на курортах Краснодарского края.

Ведь в первую очередь нужно оценивать экономическую ситуацию в стране, где цены на отдых довольно-таки высокие, а в летний период, в особенности на курортах Краснодарского края их еще больше.

По нашему мнению, на это следует обращать внимание, поскольку это очень важный вопрос, когда в стране происходит экономический кризис, растут цены, повышается уровень безработицы в стране, «не успевает» за инфляцией заработная плата.

Обобщая изложенное, полагаем, что введение нового дополнительного налога негативно скажется на планах и возможностях отдыхающих, а также, возможно, и снизит их количество в предстоящем курортном сезоне – 2017 года.

Список литературы:

1. Информационное агентство «Клерк.Ру» <http://www.klerk.ru/boss/articles/454736/> (Дата обращения: 14.03.2017).
2. ТАСС информационное агентство <http://tass.ru/obschestvo/3568849> (Дата обращения: 14.03.2017).
3. Статистический сборник «Курортно-туристический комплекс Краснодарского края 2005-2009», Краснодар, 2010. С. 12 .

3.4. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аминов Ильдар Ринатович

*канд. юрид. наук, доц.,
Башкирский государственный университет, Институт Права,
РФ, г. Уфа*

Ахунов Денис Русланович

*студент
Башкирский государственный университет, Институт Права,
РФ, г. Уфа*

THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIAN FEDERATION

Idar Aminov

*candidate juridical sciences, associate professor,
Bashkir State University, Institute of Law,
Russia, Ufa*

Denis Akhunov

*student, Bashkir State University, Institute of Law,
Russia, Ufa*

Аннотация. В данной статье был поставлен вопрос о формировании и развития, а так же самоорганизации населения проживающего на территории населенного пункта. Рассматриваемая форма считается наиболее эффективной с позиции решения вопросов местного значения. В статье рассмотрено местное самоуправление как уровень публичной власти, приближенный к народу.

Abstract. The question of the formation, development and organization of rural population. The article approach is considered to be the most effective in local issues fixing. In this paper local self-government is considered as a tool of public authority approaching people.

Ключевые слова: государственное управление; гражданское общество; местное самоуправление; муниципальное образование.

Keywords: public administration; civil society; local government; municipality.

Смысл наличия власти в государстве – гарантия безопасности его граждан. Поэтому одна из важнейших задач федерального центра в обозримом будущем продемонстрировать населению регионов России свою необходимость. В свою очередь региональные власти в федеративном государстве также имеют свой специфический круг вопросов, касающихся удовлетворения потребностей граждан, прежде всего тех, которые связаны с особенностями того или иного региона и его частными проблемами.

В настоящее время Россия пытается выстроить систему управления, которая бы позволила максимально близко взаимодействовать системе государственной власти с местным самоуправлением. В Российской Федерации развитие местного самоуправления было определено ФЗ от 6.10.03 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [6]. Это означает, что наше государство отходит от старых принципов, когда органы государственной власти осуществляли властную функцию в органах местного самоуправления. Сейчас же, органы государственной власти осуществляют контрольную функцию, а органы местного самоуправления самостоятельны и независимы. В качестве доказательства можно привести Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Данный нормативный акт является доказательством того, что местное самоуправление является формой осуществления народом своей власти непосредственно или через представительные органы власти.

Анализ теоретических вопросов, препятствующие развитию непосредственной демократии способны создать почву для совершенствования правового регулирования на местном уровне, что является одним из необходимых условий поступательного развития местного самоуправления в Российской Федерации. Для развития институтов непосредственной демократии необходимо расширять политическое участие субъектов в решении вопросов местного значения [1, с. 25-29].

С.Д. Князев отмечает, что местное самоуправление является неотъемлемой частью единой общероссийской системой народо-властия. Конституция выступает гарантом в обеспечении исполнения решений органов и должностных лиц местного самоуправления и непосредственно самого населения муниципальных образований, принятых в пределах их компетенции [3, с.11].

На сегодняшний день мало кто будет отрицать, что публичный территориальный коллектив – муниципальное образование – имеет свою долю власти, но стоит отметить, что такая власть имеет ограничения в вопросах местного значения. С увеличением территорий увеличивается «своя» публичная власть, которая призвана решать вопросы жизнедеятельности публичного территориального коллектива в соответствии со своими полномочиями.

Отечественный опыт организации местной власти, как правило, не является исчерпывающим источником, развития местного самоуправления в Российской Федерации.

Особое влияние на развитие местного самоуправления, его правового регулирования оказал зарубежный муниципальный опыт. К нему следует отнести Европейскую хартию местного самоуправления.

Самое главное, в ней содержится европейский опыт, который может быть использован в России. Так же она располагает собой роль местного самоуправления в управлении государством и обществом, которое выступает в качестве одной из основ демократического, правового государства. Развитие местного самоуправления обеспечивает равновесие в обществе, привлечение граждан к решению вопросов местного значения [2].

В свою очередь хартия закрепляет в себе принципы организации местного самоуправления, которые являются обязательными для России, так как она является членом Совета Европы. Исходя из этого, следует сделать вывод, что муниципальные образования кроме федеральных гарантий, получили еще и международные гарантии. Хартия, по своей натуре является документом, отражающая ценности, объединения народов всех государств. С помощью этой Хартии население, то есть граждане в лице своих органов местного самоуправления получило возможность эффективно взаимодействовать между собой.

Исходя из этого, Хартия выступает мощным ударом в развитии местной демократии в РФ, способствует в поисках наиболее удобных и эффективных форм самоуправления, учитывая при этом европейский опыт.

При оценке состояния и развития нашего местного самоуправления в Российской Федерации, необходимо учитывать, что наше местное самоуправление только сейчас встает на путь развития и только сейчас мы делаем новые шаги.

В процессе формирования местной власти в стране, к сожалению, не удастся достичь быстрого эффекта. Но данный факт, можно объяснить множественными проблемами в организации, развитии местного самоуправления, это слабость обуславливается различными объективными причинами. Учитывая то, что эти процессы происходят в условиях финансово-экономического и политического кризисов.

Мы прекрасно знаем, что была принята Конституция 1993 года, был принят Федеральный закон о местном самоуправлении, но «перепрыгнуть в королевство муниципальной свободы» приняв лишь данные акты не получилось. Процесс развития местного самоуправления – длительный.

Хотелось бы отметить место Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в укоренении и развитии идей местного самоуправления в публичной власти в государстве. Но здесь же, стоит обозначить и ряд недостатков, которые выявил данный нормативно-правовой акт, связанные с финансовой сферой муниципальной деятельности. Существует проблема территориально-организационного определения местного самоуправления, проблема взаимоотношений с государственными органами власти, осуществлением установленных государственных полномочий и т. д.

Развитие по своей природе предполагает собой реформы в той или иной области и в нормативно-правовых актах местного самоуправления. Я считаю, что развитие местного самоуправления в Российской Федерации требовало и по настоящее время требует его реализации. Еще в 2002 году Президент РФ обратил на это внимание, и выразил свое желание в Послании Федеральному Собранию о реформах местного самоуправления. Реформа местного самоуправления - это форма осуществления народом своей власти, это форма развития и достижения поставленных задач перед населением.

В процессе развития происходят кардинальные изменения в организационной структуре местного самоуправления, в том числе увеличивается список органов, возникающие в обязательном порядке во всех муниципальных образованиях. Последний принятый Федеральный закон предоставляет возможность создания выборного контрольного органа в системе местного самоуправления, который позволяет выполнять наиболее эффективный надзор за использованием местных бюджетных средств.

Стоит отметить, что местное самоуправление в своем развитии расширяет и повышает эффективность не только в сфере местного самоуправления, но и одновременно предполагает собой развитие гражданского общества, и в то же время демократических начал государственной организации общества. В соответствии с этим, Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» содержит в себе нормы, которые направлены на увеличение роли представительных органов местного самоуправления (сюда можно отнести: гарантирование минимальной численности депутатов, расширение круга исключительных полномочий и т. п.) К большому сожалению, на сегодняшний день предполагаемая роль в значительном периоде не имеет влияния, вполне возможно подмена работы выборных органов деятельности муниципальных чиновников [5, с. 17].

Следует напомнить по поводу финансовой базы местного самоуправления. Существует два направления, по которым идет финансовая база местного самоуправления: 1) Обеспечение путем налогового и путем бюджетного законодательства; 2) путем повышения собственных доходов.

Исходя из этого очевидно, что финансовая база местного самоуправления не может позволить в полной мере удовлетворить исполнения расходных обязательств. Если будет постоянное увеличение государственного финансирования в местное самоуправление, то финансовое положение муниципальных образований улучшится.

На современном этапе развития местного самоуправления, имеет место глобальное экономическое, социальное и политическое значение.

Экономическое значение подразумевает собой повышение активности в деловой сфере всего дееспособного населения муниципального образования, а так же повышение эффективности функционирования его хозяйства, значительного увеличения вклада в национальную экономику.

Социальное значение состоит в том, что происходит улучшение качества жизни всего населения муниципального образования. В соответствии с законом органы местного самоуправления обеспечивают удовлетворение жизненных потребностей всего муниципального образования. Чем больше развития, тем выше качество удовлетворения.

Необходимым является, введение дотаций из регионального бюджета на поощрение качественно исполняющих обязанности органов местного самоуправления в целях стимулирования социально-экономического развития местного самоуправления.

Политическое значение предполагает собой развитие народовластия в Российской Федерации. Значительное расширение возможностей участия граждан муниципального образования непосредственно, или через представительные органы в решении вопросов местного значения. Для этого используются различные формы прямого волеизъявления граждан. На современном этапе местного самоуправления используются местный референдум, муниципальные выборы собраний и т. д. В соответствии с уставом муниципального образования население имеет право на правотворческую инициативу в вопросах местного значения. Но на практике происходит нарушение права граждан избирать и быть избранными в органы местного самоуправления [4, с. 672]. Региональные власти аргументируют это тем, что населенный пункт, в котором отсутствует выборный орган местного самоуправления, не может претендовать на статус муниципального образования.

Таким образом, можно сделать вывод, что возникновение одной из форм народовластия, такой как местное самоуправление в Российской Федерации дает возможность населению в осуществлении власти. Комплексное решение муниципальных проблем приводит к формированию наиболее выгодных условий деятельности муниципальных образований, способствующие повышению уровня муниципального управления, непосредственно обеспечивает максимальное развитие местного самоуправления.

Список литературы:

1. Аминов И.Р. Органы государственной власти и местное самоуправление: проблемы и перспективы взаимодействия // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1 (71). С. 25-29.
2. Европейская хартия местного самоуправления. Ратифицирована Федеральным законом от 11 апреля 1998 года № 55-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 36. <http://base.garant.ru/2540485/> (Дата обращения: 10.04.2017).
3. Князев С.Д. Местное самоуправление в Российской Федерации: конституционная природа и значение для муниципального права: Журнал российского права. 2008. № 6. С. 11.
4. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва. Проспект. 2011. 672 с.
5. Научный журнал «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС». С. 17.
6. Федеральный закон от 6.10.03 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (Дата обращения: 12.04.2017).

НОРМОТВОРЧЕСТВО В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Квач Сергей Сергеевич

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.,
Югорский государственный университет,
РФ, г. Ханты-Мансийск*

Абдуллина Екатерина Фаритовна

*студент,
Югорский государственный университет,
РФ, г. Ханты-Мансийск*

RULEMAKING IN MUNICIPALITIES: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Sergey Kvach

*scientific director, candidate of legal sciences, associate professor,
Ugra State University,
Russia, Khanty-Mansiysk*

Ekaterina Abdullina

*student, Ugra State University,
Russia, Khanty-Mansiysk*

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию некоторых проблемных вопросов правотворческой деятельности органов местного самоуправления, связанных с несовершенством правового регулирования и правоприменительной практики.

Abstract. This scientific article is devoted to the study of some problematic issues of law-making activity of local self-government bodies, connected with imperfection of legal regulation and law enforcement practice.

Ключевые слова: местное самоуправление; правовое регулирование; нормотворчество; население.

Keywords: local government; legal regulation; rule-making; population.

Одним из приоритетных направлений деятельности муниципальных образований является нормотворчество. Результатом муниципального нормотворчества является нормативный акт, принимаемый непосредственно населением или издаваемый органом местного самоуправления.

В настоящее время в законодательстве отсутствует понятие нормативного правового акта для определения муниципального правового акта. К примеру, Конституция Российской Федерации в принципе не содержит норм о правотворчестве местного самоуправления, хотя и закрепляет самостоятельность местного самоуправления в пределах его полномочий (ст. 12) [1]. Мы можем встретить определение муниципального правового акта лишь в ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2]. Муниципальные правовые акты закрепляют статус самого муниципального образования, систему органов местного самоуправления, наделяют органы местного самоуправления полномочиями. Компетенция местного самоуправления также определена в ФЗ № 131-ФЗ, в рамках которой муниципальное образование осуществляет правовое регулирование. Однако пределы нормотворческой компетенции законодательно четко не определены, что порождает сложности в правотворческой деятельности муниципальных образований. Так, в соответствии с ФЗ № 131-ФЗ, к вопросам местного значения относится участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах муниципального образования. А в ст. 4 и 5 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» закреплено, что федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления участвуют в противодействии экстремистской деятельности в пределах своей компетенции [3].

Анализ федерального законодательства позволяет сделать вывод о том, что отсутствует четкое определение полномочий местного самоуправления по участию в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах поселения. Неопределенность в правовом регулировании приводит к непониманию того, что всё-таки требуется от органов местного самоуправления, какие правовые акты на своем уровне они могут принять по регламентации полномочий в этой сфере. Субъекты РФ также не разъясняют полномочия органов местного самоуправления, зачастую просто дублируя положения федеральных законов [5].

К вопросам местного значения всех типов муниципальных образований отнесено и осуществление мер по противодействию коррупции. Законодатель в общем виде определил данный вопрос местного значения, не разграничивая компетенцию муниципальных образований разных уровней. Так, в соответствии с нормой, закрепленной в ст. 1 ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», под противодействием коррупции понимается деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления ... в пределах их полномочий: по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений [4].

Формулировки вопросов местного значения позволяют наделить органы местного самоуправления разнообразным кругом полномочий по профилактике экстремизма, коррупции и пр. Отсутствие четкого определения вопросов местного значения и разграничения их с предметами ведения Российской Федерации и субъектов РФ может привести к ограничению конституционного принципа самостоятельности органов местного самоуправления, расширению неоправданного вмешательства в их деятельность органов государственной власти. Упоминание о компетенции местного самоуправления содержится и в иных федеральных законах. Такая ситуация усложняет возможность местного самоуправления функционировать в рамках правового поля.

Одним из способов решения проблем является содействие органам местного самоуправления при осуществлении нормотворческой деятельности со стороны органов юстиции [6]. Муниципальные образования должны взаимодействовать с органами государственной власти субъектов РФ по вопросам правотворческой деятельности, получать консультации, необходимую методическую и информационную поддержку в вопросах создания системы нормативных правовых актов муниципальных образований, учитывать типовые правовые акты, разработанные органами государственной власти субъектов РФ. Однако на сегодняшний день развитию отношений между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ препятствует законодательная неопределенность в формах их взаимодействия и сотрудничества. Поэтому предлагается законодательно урегулировать формы взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти субъектов РФ посредством включения в ФЗ № 131-ФЗ самостоятельной главы «Взаимодействие органов

государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления», в которой закрепить понятие и цель взаимодействия органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления, принципы и субъекты такого взаимодействия, а также формы. В процесс муниципального нормотворчества следует активно включать и население. У населения, участвующего в принятии правовых актов, появляется заинтересованность в их исполнении.

Дальнейшему совершенствованию правотворческого процесса муниципальных образований послужил бы уже накопленный положительный опыт на уровне муниципальных образований, а также на уровне Российской Федерации и ее субъектов. Представляется, что недостаточно учтен международный опыт организации местного самоуправления и его непосредственного контакта с государством.

Подводя итоги, следует сказать, что муниципальные правовые акты являются не только результатом нормотворческой деятельности муниципального образования, но и правовой основой для нее. Эффективность нормотворческой работы муниципальных образований во многом зависит от форм взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти и населением, которые в целом положительно влияют на выполнение целей и задач в сфере муниципального нормотворчества.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. ФЗ от 6.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
3. ФЗ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
4. ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
5. Казанцева О.Л. Роль органов местного самоуправления в противодействии экстремизму // Юридическая наука и образование в России и Азии. Методика преподавания права: материалы I Российско-Азиатского Правового Конгресса. Барнаул. 2–3 октября 2014 г. / под ред. В.В. Сорокина и А.А. Васильева. – Барнаул: Си-пресс, 2014. – С. 424–427.
6. Кудашкин А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: науч.-практ. пособие. – М., 2012. – С. 82; Шункевич Е.С. Практика участия Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Алтайскому краю в нормотворческой деятельности органов местного самоуправления // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2013. – № 4. – С. 45.

3.5. ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА

Ширяева Елена Анатольевна

*ст. преподаватель, Байкальский государственный университет,
РФ, г. Иркутск*

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF DISTANCE WORK

Elena Shiryayeva

*lecturer, Baikal state University,
Russia, Irkutsk*

Аннотация. Данная статья посвящена специфике, связанной с правовым регулированием дистанционного труда. Проведено исследование Главы 49.1 ТК РФ, выявлены особенности заключения трудового договора с дистанционным работником, специфика взаимодействия с работодателями данной категории работников, особенности трудовых отношений.

Abstract. This article is devoted to the specifics related to the legal regulation of distance work. The study of Chapter 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation was carried out, specifics of the conclusion of an employment contract with a remote worker, the specifics of interaction with employers of this category of workers, and the specifics of labor relations.

Ключевые слова: дистанционные работники; трудовой договор; режим рабочего времени; дистанционный труд.

Keywords: distance workers; labor contract; working hours; distance work.

Актуальность нашей статьи выражается в том, что за последние несколько лет количество специалистов, которые осуществляют трудовую деятельность на дистанционной основе и ведут общение с нанимателем посредством сети Интернет, кардинальным образом возросло. Данный факт обусловлен широкой популярностью информационно-телекоммуникационных сетей общественного пользования, включая Интернет, а также увеличением количества их активных пользователей, расширением использования таких программ, как Skype (видеоконференции) и программ типа Удаленный рабочий стол (дистанционный доступ из любой точки мира к личному компьютеру доступа). Кроме этого, современный этап развития российского государства и общества сопровождается появлением новых профессий, которые предоставляют возможность осуществлять трудовую деятельность на удаленной основе. Также нормативно-правовая база, которая регламентирует труд дистанционных работников, нуждается в значительных корректировках, поскольку категория надомного труда является по своему содержанию более узкой, нежели чем понятие дистанционного труда.

Трудовой кодекс РФ в исследуемом аспекте подвергся изменениям 19 апреля 2013 года, вступил в силу Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому в ТК РФ была введена новая глава 49.1, регламентирующая труд работников, работающих на дистанционной основе.

В соответствии с ч.1 ст. 312.1 ТК РФ под дистанционной работой необходимо понимать выполнение обозначенной трудовым договором трудовой функции в месте нахождения работодателя, его филиала, представительства, другого обособленного структурного подразделения (включая находящиеся в иной местности) [4]. Заметим, что новая редакция ТК РФ имеет целью обеспечить защиту прав и законных интересов специалистов, которые работают на дистанционной основе и ведут общение с работодателем посредством сети Интернет, в частности, веб-дизайнеров, журналистов, программистов и др. Вместе с тем, необходимо обратить отдельное внимание на тот факт, что ранее с дистанционными работниками заключались гражданско-правовые договоры, что порождало большое количество споров, где в судебном порядке гражданско-правовые отношения признавались трудовыми по ряду признаков (определенная трудовая функция, систематическая оплата труда и пр.).

Сразу отметим, что дистанционный труд необходимо разграничивать от других форм занятости, таких как, например,

надомная работа. Ключевое отличие дистанционного работника от надомника заключается в продукте труда, характере и результате работы. Надомник, который осуществляет производственную деятельность, производит продукт, обладающий овеществленной формой. Дистанционный сотрудник, в свою очередь, выполняет интеллектуальную работу, результат которой может не иметь форму овеществленного результата.

Новшеством для отечественного трудового права выступает обозначенный Федеральным законом метод взаимодействия между сторонами трудового договора – обмен электронными документами. В качестве обязательного условия данного обмена выступает применение усиленных квалифицированных электронных цифровых подписей дистанционным работником и нанимателем.

Электронные подписи дистанционного работника и работодателя применяются в порядке, который установлен Федеральным законом от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». В соответствии со ст. 11 данного Федерального закона квалифицированная электронная подпись признается действительной до тех пор, пока судебным решением не установлено иное.

Подчеркнем, что и работодатель, и дистанционный работник имеют обязанность в срок, установленный трудовым договором, направлять в форме электронного документа подтверждение получения электронного документа от другой стороны.

При заключении трудового договора о дистанционной работе посредством обмена электронными документами работодатель обязан не позднее трех календарных дней со дня заключения трудового договора отправить работнику экземпляр данного трудового договора на бумажном носителе. Работник, который предоставил работодателю документы, установленные ст. 65 ТК РФ, в электронной форме обязан по требованию работодателя отправить ему нотариально заверенные копии данных документов на бумажном носителе [1, с. 86].

Особенности дистанционной работы обуславливают способы оформления страхового свидетельства государственного пенсионного страхования и трудовой книжки дистанционного работника. В рассматриваемом случае возникает коллизия в законодательной базе при оформлении дистанционного работника. В п.4 ст. 312.2 ТК РФ присутствует норма, которая вступает в противоречие с федеральным законодательством. В частности, в указанной статье предусмотрено, что, если трудовой договор о дистанционной работе заключается посредством обмена электронными документами лицом, который впервые заключает трудовой договор, данное лицо получает страховое

свидетельство государственного пенсионного страхования самостоятельно. Вместе с тем, в п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об индивидуальном учете в системе обязательного пенсионного страхования» от 01.04.1996 г. № 27-ФЗ указывается, что лицо, которое впервые поступает на работу по трудовому договору или заключившее гражданско-правовой договор, на вознаграждение по которому согласно российскому законодательству начисляются страховые взносы, получает страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования, включающее страховой номер индивидуального лицевого счета через страхователя. Заметим, что приведенная норма права не подверглась изменениям ввиду последних нововведений.

Касательно трудовой книжки дистанционного работника, то по соглашению сторон трудового договора о дистанционной работе информация о данной работе может не отражаться в трудовой книжке, а при заключении трудового договора впервые трудовая книжка дистанционному работнику может не оформляться (в подобных случаях трудовой стаж подтверждается экземпляром трудового договора в соответствии с ч.6 ст. 312.2 ТК РФ) [5, с. 165].

Целесообразно подчеркнуть, что немаловажной особенностью норм ТК РФ о дистанционном труде выступает предоставление сторонам более обширных по сравнению со стандартным трудовым договором возможностей по определению его условий. Так, например, трудовым договором о дистанционной работе устанавливаются порядок и сроки обеспечения дистанционного работника соответствующим оборудованием, программно-техническими средствами; порядок и сроки предоставления дистанционными работниками отчетов о выполненной работе; размер, порядок и сроки выплаты возмещения за использование дистанционным работником принадлежащих ему либо арендованного оборудования, средств защиты информации и др.; другие условия трудового договора о дистанционной работе, обозначенные ТК РФ.

Федеральные законодательные акты не устанавливают каких-либо положений в отношении заключения трудового договора о дистанционной работе на определенный срок. Следовательно, трудовой договор рассматриваемого вида может обладать срочным характером исключительно при наличии оснований, которые обозначены ст. 59 ТК РФ.

Рассматривая специфику рабочего времени дистанционного работника, необходимо подчеркнуть, что режим рабочего времени такой работник устанавливает по своему усмотрению, ввиду того что он не находится под прямым контролем работодателя. Приведенное

положение обладает диспозитивным характером, другими словами, трудовой договор может включать в себя иные условия. Мы полагаем, что в связи с этим, трудовой договор должен содержать в себе механизм контроля соблюдения дистанционным работником трудовой дисциплины. В частности, имеет смысл определить способы и периодичность контактов работодателя с работником, а также время выходов работника на связь и их продолжительность [2, с. 332].

Необходимо заметить, что включение в Трудовой кодекс РФ главы о специфике труда дистанционных работников видится нам несомненно положительным шагом законодателя, нацеленным на систематизацию правоотношений по дистанционной занятости. В то же время, основываясь на действующих нормах ТК РФ, труд может обладать дистанционным характером или выступать в качестве «стационарного» (в помещениях нанимателя либо на дому). Иными словами, сотрудники не обладают юридической возможностью совмещать две эти разновидности работы (в реальности подобное сочетание также характеризуется большой распространенностью). Можно допустить, что одним из последующих стадий совершенствования отечественного трудового законодательства выступит установление возможности работать и на дистанционной основе, и «стационарно» в границах одного трудового правоотношения [4, с. 59].

Более того, на законодательном уровне в отношении дистанционного труда не предусмотрено возможности перехода в полном объеме на электронный документооборот. В то же время существует неоднозначность подхода судебных органов к доказательствам, которые были получены электронным образом. В рассматриваемом вопросе остается ждать разъяснений высших судебных инстанций, которые выразят позицию по отношению к электронным документам, применяемым в документообороте с дистанционными работниками.

Необходимы существенные изменения и дополнения в нормативно-правовой базе и совершенствование технических аспектов с целью увеличения возможностей применения альтернативных форм: усиленной квалифицированной электронной подписи, инструментов обмена электронными документами.

Несомненно, еще одним плюсом новой главы является факт того что за работодателем закрепляется возможность найти нужного, зачастую уникального специалиста, не акцентируя внимания на удаленность его территориальной расположенности от местонахождения организации. Наконец, в связи с поправками, которые были внесены в Трудовой кодекс Российской Федерации, возникает закономерный

вопрос, необходимо ли вносить соответствующие корректировки в ранее заключенные договоры о надомной работе? Мы полагаем, что, ввиду того, что закон не обладает обратной силой, то надомный труд меняется на дистанционный, что, в свою очередь, изменяет определенные условия трудовых отношений, самый оптимальный вариант – это заключить новый трудовой договор о дистанционной работе, а старый договор о надомной работе необходимо прекратить по соглашению сторон.

Список литературы:

1. Васильева Ю.В., Шуралева С.В. Дистанционная занятость и дистанционная работа с позиций российского трудового права // Российский ежегодник трудового права. – 2013. – № 9. – С. 385-390.
2. Ильина В.И. Проблемы правового регулирования труда дистанционных работников // Молодой ученый. – 2017. - № 1 (135). – С. 332-334.
3. Семенова Е.А. Дистанционная работа: практические аспекты // Советник юриста. – 2016. – № 1. – С. 56-65.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Российская газета. – 2001. - № 256
5. Холодионова Ю.В., Абакумова О.А. Особенности регулирования нетипичных трудовых отношений в РФ (на примере дистанционной работы) // Академический вестник. – 2014. – № 4 (30). – С. 161-169.

3.6. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНОИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ПРЕСТУПНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ

Варыгин Александр Николаевич

д-р юрид. наук, проф.

*Саратовская государственная юридическая академия – СГЮА,
РФ, г. Саратов*

Иргужаев Адихан Уалиханович

студент Института магистратуры

*Саратовская государственная юридическая академия – СГЮА,
РФ, г. Саратов*

CRIME IN FRANCE

Alexander Varygin

*doctor of legal sciences, professor
Saratov State Law Academy - SSLA,
Russia, Saratov*

Adikhan Irguzhaev

*student of the Institute of Magistracy
Saratov State Law Academy - SSLA,
Russia, Saratov*

Аннотация. В статье рассматриваются криминологические особенности преступлений во Франции. Рассмотрены основные проблемы преступности и их решения.

Abstract. The article examines the criminological features of crimes in France. The main problems of crime and their solutions are considered.

Ключевые слова: преступность; преступления; терроризм; насилие; коррупция; бандитизм; Франция.

Keywords: crime; Crimes; Terrorism; Violence; Corruption; Banditry; France.

Франция как одно из самых современных государств, а так же противоречивых, вызывает интерес с точки зрения природы преступности и борьбы с ней. В нынешнее время Франция сдает позиции в области безопасности личности, общества и государства. И там и тут гремят взрывы [1], доходит до того, что осуществляются вооруженные ограбления, что для нас является не редкостью [2]. Но не только проблемы внешнего проявления беспокоят Францию, существуют большие проблемы с преступностью внутри правительства, особенно это обостряется из-за предвыборной гонки на пост Президента Франции.

Одной из острой проблем считают жители Франции, является коррумпированность представителей власти [3], опрос газеты *Le monde* показал, что 65 % французов считают политиков коррупционерами, причем 85 % уверены, что все действия представителей власти направлены на личное обогащение, те же самые данные подтверждаются организацией ТП [4], по данным организации, больше всего приговоров во Франции выносятся муниципальным служащим и местным депутатам за присуждение государственных контрактов. Причем количество осужденных членов муниципалитетов почти вдвое больше количества осужденных руководителей компаний. Ввиду такой проблемы была создана в 1991 г. при министерстве экономики и финансов Франции служба «Тракфин» (*Tracfin*). История говорит о том, что соответствующий орган создавался для борьбы с «отмыванием» нелегальных доходов от незаконного оборота наркотиков. Затем в поле его зрения попали дела о ввозе и вывозе капитала, полученного от незаконной торговли оружием, и, как следствие, о коррупции крупных французских госчиновников. Однако следует отметить, что французские законодатели менее суровы, чем американские. От чиновников не требуется подача декларации о доходах, а соблюдение ограничений на профессиональную деятельность после увольнения чиновника с государственной службы контролируется менее строго. Кроме того, французское законодательство уделяет больше внимания административным, а не уголовным мерам наказания. При этом преследуется главная цель – предотвращение «недолжного соединения личных финансовых интересов и исполнения должностных функций государственного служащего».

Следовательно, данный подход является действенным, по нашему мнению, он может быть использован в целях совершенствования Российского законодательства.

В области преступлений против личности так же имеются неутешительные результаты, а именно: нападения, коими являются физическое нападение на другого человека и нанесение в результате тяжких телесных повреждений, за исключением неприличного/сексуального насилия; угроз и пощечин/ударов кулаками. (Таблица 2.)

Так же Франция страдает от роста числа такого преступления как изнасилование, только за 10 лет, преступность в области изнасилования выросла на 16.44 %.

Крылатая фраза из кинофильма Александра Прошкина 1992 года: «Увидеть Париж и умереть» сегодня имеет более угрожающий оттенок.

Так количество убийств выросло на 40 % с 1995 года, идущему на убыль числу «преступлений, совершенных на почве личных неприязней», противостоит бандитизм, участники которого демонстрируют эскалацию своей жестокости. (Таблица 1.)

Один из главных бастионов преступности, бандитизма во Франции, по мнению министра внутренних дел Франции Мануэля Валя является – Марсель. Происходящие там «разборки» между молодежными бандами уже несколько месяцев шокируют общественность.

В последние десятилетия французский бандитизм набрал обороты, автомат Калашникова давно заменил револьвер. Париж не является единственным криминальным городом, наплыв туристов несколько затмевает криминальные разборки, так опасным городом считается Марсель с молодежными разборками с применением огнестрельного оружия, в пример можно привести действительно образец для криминального фильма со зрелищными сценами как погоня на автомобилях с раздачей автоматных очередей по толпам прохожих. Париж как-то лишен подобных сцен, по крайней мере, это касается исторической части, разборки если случаются, то только в пригородах, где и обитают бесперспективные люди, которым остаётся только творить насильственное беззаконие, например не стоит оправляться иностранным туристам в Сен-Дени или вообще в 18 округ, местные жители тут могут быть так запуганы преступностью, что никогда не придут на помощь, тоже может касаться и полицейских, лучше обождать, когда все уляжется, и преступники уйдут с места преступления. Так полиция не редко просто сдает некоторые районы преступникам и там вообще не появляется.

В настоящее время во Франции нарастает угроза в борьбе с террором. Казалось бы, французские власти, политическое сообщество давно осознали эту опасность и выработали соответствующие меры. Однако террористические акты в Париже в январе и ноябре 2015 г.,

повлекшие большое число жертв, показали, что этих мер явно недостаточно или они неадекватны. Так, Теракт в Ницце, где водитель грузовика задавил насмерть 84 человека во время празднования Дня взятия Бастилии, стал десятой террористической атакой во Франции за последние полтора года.

Государство не имеет власти, прежде всего там, где количество эмигрантов приближается к половине населения, например, в департаменте Сен-Сан-Дени (57 %), Валь-д'Уаз (38 %), Валь-де-Марн (40 %), интересно, что и в Париже сейчас 41 % населения — это иностранцы, и можно заключить, что беззаконие творится в 41 % районов и улиц Парижа

Помимо этого, в «рейтинге роста» количества преступлений во Франции на первом месте стоят: изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (рост на 42 %), незаконное лишение свободы (40 %), нападения (29 %), грабежи с применением огнестрельного оружия (19 %). Снизилось же количество преступлений, связанных с нарушением вида на жительство (35 %), сутенерством (26 %) и уклонением от уплаты налогов (22 %).

В заключение можно сказать, что Франция это уже не страна, в которую хочется приехать отдыхать и чувствовать себя защищенным. По нашему мнению, она превратилась в запуганную и бессильную страну.

Единственной надеждой Франции на победу над преступлениями, а в частности над терроризмом, который носит особую опасность, является свободное, не подавленное либеральной пропагандой волеизъявление на выборах, в результате которых должны побеждать не безликие евроцентристы, заглядывающие в рот «хозяевам из-за океана», а те, кто заинтересован в самостоятельности и величии Франции, то есть правые консерваторы-евроскептики из «Национального фронта». В противном случае, с французской нацией можно будет просто попрощаться.

Таблица 1.

Изменение динамики убийств

Дата	Значение	Изменение, %
2014	792	1,93%
2013	777	-0,89%
2012	784	-8,41%
2011	856	7,54%
2010	796	-2,81%
2009	819	-19,78%
2008	1 021	2,82%
2007	993	12,97%
2006	879	-9,94%
2005	976	-1,41%
2004	990	0,30%

Таблица 2.

Динамика преступлений против личности

Дата	Значение	Изменение, %
2014	227 338	2,45%
2013	221 899	-0,07%
2012	222 061	1,10%
2011	219 645	-0,33%
2010	220 372	0,11%
2009	220 126	17,13%
2008	187 937	6,85%
2007	175 886	7,01%
2006	164 359	10,57%
2005	148 651	7,97%
2004	137 679	1,98%

Список литературы:

1. Lenta. ru. Худший день в истории Пятой республики. Во Франции произошли террористические акты, подобным которым страна не знала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/11/14/paris/> (Дата обращения: 28.03.2017).
2. NEWSru.com. Во Франции и Монако арестованы четверо грабителей, похитивших драгоценности из бутика Cartier [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.newsru.com/crime/27mar2017/robcartiermonaco.html> (Дата обращения 28.03.2017).
3. Мировой Атлас Данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knoema.ru/atlas/> (Дата обращения 28.03.2017).
4. Русский очевидец. Франция – одна из самых коррумпированных стран Европы? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusoch.fr/lang/ru/soc/franciya-odna-iz-samyx-korruptirovannyx-stran-evropy.html> (Дата обращения 28.03.2017).

3.7. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

ОСОБЕННОСТИ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЯ ПО НАЛОГОВЫМ СПОРАМ

Женетль Светлана Закошуровна

*д-р юрид. наук, проф.,
Российский государственный университет правосудия,
РФ, г. Москва*

Ковалевская Яна Константиновна

*магистрант, Российский государственный университет правосудия,
Уральский филиал,
РФ, г. Челябинск*

FEATURES OF CALCULATION OF TERMS OF SUBMISSION OF STATEMENTS ON TAX DISPUTES

Svetlana Zhenetl

*doctor of legal sciences, professor,
Russian state University of justice,
Russia, Moscow*

Yana Kovalevskaya

*graduate student, Russian State University of Justice, Ural Branch,
Russia, Chelyabinsk*

Аннотация. В годы экономической нестабильности, которые напрямую связаны не только с внешними факторами (санкциями), но и с внутренними, для пополнения бюджета первостепенным ресурсом служат налоги. Налоговый спор достаточно часто возникает в результате обжалования налогоплательщиком результатов деятельности налогового органа. В статье рассмотрен регламент обжалования актов налоговых органов и действий (бездействия) их должностных лиц.

Abstract. In the years of economic instability, which is directly connected not only with external factors (sanctions) but also from the inside, for the budget serve as the primary resource taxes. Tax dispute often arises as the result of the appeal by the taxpayer of the results of operations of the tax authority. The article describes the rules of appeal against acts of tax authorities and actions (inaction) of their officials.

Ключевые слова: налоговый спор; обжалование актов налоговых органов; досудебный порядок разрешения налоговых споров.

Keywords: tax dispute; appeal against acts of tax authorities; pre-trial procedure for resolution of tax disputes.

Налоговые правоотношения всегда характеризуются высокой степенью конфликтности, что обусловлено их имущественной природой, в соответствии с которой налогоплательщику предстоит отказаться от части имущества в пользу государства. Вопросы, связанные с классификацией споров, со способами их преодоления и в наши дни не теряют актуальности, что обусловлено множеством факторов, к которым в том числе, с одной стороны, относятся и сложность, и противоречивость налогового законодательства, а с другой – низкий уровень налоговой дисциплины налогоплательщика и неисполнение налогового законодательства со стороны налоговых органов.

Споры, вытекающие из публичных правоотношений (далее – публичные споры), в связи со спецификой их содержания – властным подчинением одной стороны другой, ограниченностью сфер их возникновения, а также особым материальным и процессуальным регулированием – всегда вызывают особый интерес у правоприменителей.

При этом необходимо отметить, что правовая регламентация рассмотрения публичных споров в гражданском и арбитражном процессах имеет различие, причем как в законодательном закреплении, так и при непосредственной реализации – в судебной (арбитражной) практике.

Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) предусматривает два порядка обжалования ненормативных правовых актов налоговых органов, решений и действий (бездействия) их должностных лиц, критерием которых является предмет обжалования.

Порядок обжалования актов налоговых органов и действий (бездействия) их должностных лиц предусмотрен ст. 138, 139 НК РФ.

Соответствующие акты, действия (бездействие) могут быть обжалованы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу) или в суд. Причем подача жалобы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу) не исключает

права на одновременную или последующую подачу аналогичной жалобы в суд.

Принятие решения соответствующим органом по соответствующей жалобе, вступление решения в законную силу предусмотрены различными статьями НК РФ (ст. 140, ст. 101, ст. 101.2 НК РФ и другие).

К сожалению, указанные нормы, несмотря на кажущуюся простоту и понятность, тем не менее мало скоординированы с ч. 4 ст. 198 («Право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании ненормативных правовых актов недействительными, решений и действий (бездействия) незаконными») Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), что создает благоприятные условия для неоднозначного и произвольного их толкования правоприменителями при исчислении сроков подачи заявления в суд об обжаловании ненормативных правовых актов налоговых органов, а также решений и действий (бездействия) налоговых органов и их должностных лиц.

В указанной ситуации, при отсутствии законодательного разрешения имеющих противоречий, правообразующая роль отводится арбитражной практике, основной целью которой является урегулирование отношений по разрешению налоговых споров в административном и судебном порядке таким образом, чтобы право налогоплательщика на судебную защиту не было ущемлено.

При этом необходимо учитывать как установленный НК РФ обязательный досудебный порядок обжалования решения налогового органа, так и то обстоятельство, что внесудебные процедуры разрешения налоговых споров являются предпочтительными в налоговых правоотношениях с точки зрения оперативности защиты нарушенных прав налогоплательщиков.

Также стоит отметить, что вопрос о позитивных (негативных) моментах судебного и досудебного (административного) порядка разрешения налоговых споров является дискуссионным и не находит единого мнения среди правоведов.

Важнейшим шагом на пути решения проблем, связанных с определением порядка расчета сроков подачи заявления в арбитражный суд, явилось постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 8815/07, которое установило следующие положения, имеющие важное значение для урегулирования споров, вытекающих из налоговых правоотношений:

- нормы АПК РФ, устанавливающие срок для обращения в суд за защитой нарушенного права, не должны рассматриваться как препятствующие реализации права на использование внесудебных процедур разрешения налоговых споров;

- срок, предусмотренный ч. 4 ст. 198 АПК РФ (а именно – 3 месяца с момента, когда гражданину, организации стало известно о нарушении их прав и законных интересов) должен исчисляться с момента истечения срока для рассмотрения жалобы вышестоящим налоговым органом.

Вместе с позитивным моментом в указанном судебном акте, нельзя не отметить и некоторую неопределенность в установлении правовой сущности рассматриваемой проблемы.

Зачастую, «камнем преткновения» между налогоплательщиком и налоговым органом является вопрос о возможности признания уважительной причиной пропуска срока подачи соответствующего заявления в арбитражный суд и направление налогоплательщиком жалобы на решение налогового органа в вышестоящий налоговый орган и неполучение ответа от последнего в течение установленного НК РФ срока.

В большинстве случаев суды первой и апелляционной инстанций отказывают гражданам, организациям в признании указанной причины уважительной.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в своей судебной практике также однозначного ответа на важнейший вопрос анализируемой проблемы не получил: может ли данная ситуация рассматриваться в качестве уважительной причины пропуска срока подачи заявления в арбитражный суд или же в случае подачи жалобы в вышестоящий налоговый орган на решение налогового органа срок подачи заявления в арбитражный суд увеличивается на месяц?

С одной стороны, высшая судебная инстанция в соответствующем примере прямо признала, что рассматриваемые обстоятельства не могут быть признаны уважительной причиной пропуска срока подачи заявления в арбитражный суд, так как названный срок в случаях рассмотрения дел об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) налоговых органов (их должностных лиц) подлежит применению с учетом положений НК РФ и должен исчисляться с момента истечения срока для рассмотрения жалобы вышестоящим налоговым органом.

С другой стороны, отказывая в восстановлении пропущенного срока, нижестоящие суды неправомерно определили момент истечения срока для обращения в арбитражный суд и в связи с этим, при решении вопроса об уважительности причин пропуска срока, не учли как его продолжительность, так и конкретные причины его пропуска; при новом рассмотрении дела арбитражному суду было указано обсудить ходатайство заявителя о восстановлении пропущенного срока.

При анализе судебных актов различных судов с подобной ситуацией, мною был сделан вывод о том, что применение положений НК РФ при определении порядка исчисления срока, предусмотренного ч. 4 ст. 198 АПК РФ, в отсутствие факта обжалования налогоплательщиком решения налогового органа либо действий (бездействия) налогового органа (его должностных лиц) представляется необоснованным.

Другим важным обстоятельством, нашедшим свое разрешение в арбитражной практике, явилась проблема определения порядка исчисления срока подачи заявления в арбитражный суд при условии подачи налогоплательщиком жалобы на вступившее в законную силу решение налогового органа, которое не было обжаловано в апелляционном порядке, в течение одного года с момента его вынесения.

По данному вопросу существовало две точки зрения:

- срок подачи заявления в арбитражный суд при утрате налогоплательщиком права на апелляционное обжалование решения налогового органа исчисляется с момента вступления указанного решения в силу (по истечении десяти дней со дня получения решения налогового органа налогоплательщиком),

- срок подачи заявления в арбитражный суд при утрате налогоплательщиком права на апелляционное обжалование решения налогового органа исчисляется со дня получения налогоплательщиком ответа из вышестоящего налогового органа на жалобу на решение налогового органа, поданную в вышестоящий налоговый орган в течение одного года с момента его вынесения.

Рассмотрев указанные противоречия единообразия арбитражной практики, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации поддержал вторую позицию, указав, что предусмотренная п. 2 ст. 139 НК РФ жалоба на решение налогового органа подается в вышестоящий налоговый орган в течение одного года с момента вынесения обжалуемого решения. При этом данный срок не может быть сокращен из-за угрозы пропуска срока, предусмотренного ч. 4 ст. 198 АПК РФ, поскольку нормы АПК РФ, устанавливающие срок на обращение в суд за защитой нарушенного права, не должны рассматриваться как препятствующие реализации права на использование внесудебных процедур разрешения налоговых споров.

Таким образом, арбитражная практика рассмотрения спорных вопросов порядка исчисления сроков подачи заявления в арбитражный суд максимально учла интересы налогоплательщиков и существенно повысила возможность надлежащей защиты их прав и законных интересов.

Вместе с тем даже такой достаточно прогрессивный шаг не позволяет решить большинство проблем, вытекающих из налоговых правоотношений, истоки которых зачастую заключаются не только в небезупречном правовом регулировании, процесс совершенствования которого не соответствует ни реалиям изменяющихся общественных отношений, ни оперативной необходимости в таковом, но и в самих налоговых органах, вернее, в их действиях (бездействии) по досудебному разрешению налоговых споров.

Лишь комплексный подход к решению указанных проблем, учитывающий многообразие налоговых правоотношений, их специфику, разнонаправленные позиции налоговых органов и налогоплательщиков, устоявшуюся правоприменительную и арбитражную практику, позволит обеспечить создание необходимого баланса публичных и частных интересов в рассматриваемой сфере, а также системы способов и порядка разрешения налоговых споров, отвечающей требованиям доступности, оперативности, справедливости и законности.

Список литературы:

1. Зайков Д.Е. Пробелы гражданского процессуального законодательства и практики судов общей юрисдикции // Гражданин и право. – 2011. – № 11.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 31 июля 1991 г. (в ред. от 3 декабря 2011г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31; Часть вторая: Федеральный закон от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 06 декабря 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32.
3. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 января 2009 г. № ВАС-15592/08 по делу № А27-3697/2008-2 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Пепеляев С.Г., Зарипов В.М. Проблемы разрешения налоговых споров в Российской Федерации // Налоговый вестник. – 2006. – № 3. – С. 27; Панова И. Досудебный порядок разрешения налоговых споров // Хозяйство и право. – 2011. – № 11. – С. 84.
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 10025/11 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 01.03.2017).
6. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 апреля 2011 г. по делу № А56-10572/2010 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 01.03.2017).
7. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 19 апреля 2011 г. по делу № А12-10341/2010 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 01.03.2017).

**ВОПРОСЫ ДОСТАТОЧНОСТИ НОРМАТИВНОГО
ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ
НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Жутаев Алексей Сергеевич

*канд. юрид. наук, доц.,
Саратовская государственная юридическая академия РФ,
Институт Прокуратуры,
РФ, г. Саратов*

Ширяева Яна Ризвановна

*студент, Саратовская государственная юридическая академия РФ,
Институт Прокуратуры,
РФ, г. Саратов*

Минина Елена Викторовна

*студент, Саратовская государственная юридическая академия РФ,
Институт правоохранительной деятельности,
РФ, г. Саратов*

**QUESTIONS THE ADEQUACY OF THE REGULATORY
CONSOLIDATION OF THE RIGHTS AND DUTIES
OF THE TAXPAYER ACCORDING TO THE LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Alexey Gutev

*candidate of legal sciences, associate professor, Saratov State Law
Academy, Institute of Public Prosecutions,
Russia, Saratov*

Yana Shiryayeva

*student, Saratov State Law Academy, Institute of Public Prosecutions,
Russia, Saratov*

Elena Minina

*Student, Saratov State Law Academy, Institute of Public Prosecutions,
Russia, Saratov*

Аннотация: Статья посвящена достаточности нормативного закрепления прав и обязанностей налогоплательщика в РФ. Оно раскрывается на основе анализа положений нормативно-правовых актов и мнения ученых. Исследуются основные права и обязанности, закрепленные в НКРФ.

Abstract: the Article is devoted to the adequacy of the regulatory consolidation of the rights and obligations of the taxpayer in Russia. It is revealed based on the analysis of provisions of legal acts and opinions of scientists. Examines the basic rights and duties enshrined in the tax code.

Ключевые слова: правосубъектность; дееспособность; права и обязанности налогоплательщиков.

Keywords: legal personality; legal capacity; rights and obligations of taxpayers.

Важной характеристикой правового статуса субъектов правоотношений, в т. ч. налоговых, является правосубъектность, которая, складывается из правоспособности и дееспособности. В настоящее время практически все государства закрепили правосубъектность налогоплательщиков полностью или частично в кодифицированных актах или специальных хартиях. Так, во Франции, Канаде, США приняты декларации прав и обязанностей налогоплательщиков, а в Российской Федерации, Украине, Белоруссии, Грузии, Италии — кодифицированные акты. Вопросы достаточности нормативного закрепления прав и обязанностей налогоплательщика в РФ, является актуальной темой, так как в соотв. со ст. 57 Конституции РФ «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы» [1] [31, Ст. 4398]. Это означает, что конституционная обязанность платить налоги и сборы носит всеобщий характер и распространяется на всех независимо от гражданства физических лиц, места и законодательства создания организации (см. п. 2 ст. 11, абзц. 1 ст. 19 НК РФ) [2] [31; Ст.3824]. Т. е, каждый налогоплательщик должен ознакомиться со всеми своими правами и обязанностями по законодательству РФ.

Права налогоплательщика. Согласно ст. 21 Налогового кодекса Российской Федерации (далее НК РФ) регламентирует основные права плательщиков налогов и сборов, причём необходимо иметь в виду, что перечень их не является исчерпывающим и конкретные права предусматриваются положениями части второй НК РФ.

Анализ зарубежного законодательства показал, что базовыми правами налогоплательщика большинства стран (США, Франции, Италии, Великобритании), являются право на информацию, право

быть услышанным, право на обжалование, право платить не больше суммы налога, чем предусмотрено, право на определенность, право на конфиденциальность. Так или иначе, данные права нашли воплощение в НК РФ с учётом особенностей российского правопорядка.

На наш взгляд, недостатком зарубежной системы прав является закрепление в качестве таковых принципов налогообложения. Так, положения, что каждый должен точно знать, какие налоги, когда и в каком порядке, будет платить, а также что налоги и сборы должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными, закреплены в основных началах законодательства о налогах и сборах в ст. 3 НК РФ. Такой подход делает нецелесообразным дублирование принципов определенности налогообложения и соразмерности ограничения экономических интересов применительно к правам отечественного налогоплательщика, а в целом позволяет определить базовые правила применения налогово-правовых норм и способы к разрешению любых налоговых противоречий и коллизий (не только применительно к правам).

Однако такой же недостаток юридической техники прослеживается и в российском законодательстве. Например, в п.10 ч.1 ст. 21 НК РФ указывается право требовать от налоговых органов соблюдения законодательства о налогах и сборах, что напрямую вытекает из принципа законности, верховенства права и корреспондирует соответствующей обязанности налоговых органов, закрепленной в ст. 32 НК РФ, а также соответствующих ведомственных актах уполномоченных лиц. Возможно, такой подход использован для искусственного уравнивания количественного значения прав и обязанностей налогоплательщиков в России.

Как правило, основным правом налогоплательщика является право на информацию. Только при наличии у субъекта данных сведений, возможно, требовать исполнения им обязанностей и говорить о возможности реализации им своих прав. В то же время, поскольку в правоотношении по уплате определённого налога субъект обычно не имеет каких-либо особых субъективных прав, то его право на информацию может быть единственным. Таковые обязанности по информированию налогоплательщиков возложены как на налоговые, так и на финансовые органы (в том числе Минфина России, в ведении которого ФНС России). Поэтому в силу того, что полномочия обоих органов по информированию налогоплательщиков не в полной мере разграничены (ст. ст. 21, 32, 34.2 НК РФ), то в данном случае позиции указанных субъектов могут противоречить друг другу, что создаст правовую неопределённость по тем или иным вопросам.

К числу прочих прав относятся право на использование налоговых льгот, на получение отсрочки, рассрочки или инвестиционный налоговый кредит, на представление свои интересы в налоговых правоотношениях лично либо через своего представителя и др. в соответствии со ст. 21 НК РФ. Считаю, что обозначенный комплекс прав является достаточным для эффективного участия налогоплательщиков в правоотношениях.

В ст. 23 Конституции РФ закреплено право на частную жизнь. Неприкосновенность частной жизни граждан — один из важнейших элементов правового статуса человека и гражданина. Под неприкосновенностью частной жизни Конституция РФ и федеральное законодательство подразумевают невмешательство в частную жизнь, неприкосновенность личной и семейной тайны (тайны частной жизни). От уровня гарантированности сохранения тайн личной жизни граждан зависит степень свободы личности в государстве, а также демократичность и гуманность политического режима.

Отдельно стоит отметить, что в странах англосаксонской системы права наблюдается дополнительное включение права на частную жизнь. По-моему мнению, это объясняется правовой спецификой, заключающейся в отсутствии как такового деления права на частное и публичное; где все стороны частной жизни обозначаются термином «privacy». Перенесение данного аспекта в РФ будет неприемлемым, т. к. это приведёт к правовым коллизиям.

Следует сказать, что в России и в некоторых других странах (Украина, Белоруссия, Грузия) обязанность налогоплательщика понимается в широком смысле в виде как совокупности взаимосвязанных и закреплённых в нормах налогового законодательства обязательных действий налогоплательщика. Такой набор обязанностей объясняется тем, что в настоящее время невозможно связать налоговые обязанности с каким-то единичным актом поведения. Поэтому можно предположить, что налоговая обязанность и обязанности налогоплательщика соотносятся как общее и частное.

Основной обязанностью налогоплательщика, с которой связана динамика большинства налоговых правоотношений, является уплата законно установленных налогов в соотв. с п.1 ч.1 ст. 23 НК. Значение налоговой обязанности трудно недооценивать, ведь существование самих налоговых правоотношений вряд ли может иметь смысл без ее наличия.

В современной России формирование налоговой системы осуществляется через концепцию «налоговой обязанности», которая закреплена в ст. 57 Конституции Российской Федерации. Данный подход напрямую не предполагает связи между реализацией прав и свобод человека и указанной обязанностью. Аналогичный подход

прослеживаются и на территории бывшего СССР, в государствах Азии и Африки.

Сравнение Основных законов других стран показывает, что конституционное закрепление обязанности платить налоги противоречит европейскому подходу. В большей части конституций Западной Европы только упоминается о том, что налоги должны быть установлены законодательно (Австрия, Германия, Дания, Испания, Финляндия, Швейцария) или не предусмотрена обязанность уплаты налогов (Чехия, Румыния). В странах американского континента придерживаются указанной европейской традиции. Обращаясь к историческому опыту нашей страны, можно констатировать, что и в Российской империи, и в Советском государстве всеобщая обязанность по уплате налога не устанавливалась.

Итак, конституционная обязанность уплаты налогов — это новация российского законодателя, создание которого имеет под собой множество причин: необходимость подчеркнуть жесткую связь налогоплательщика и государства, публичность налогового права.

По нашему мнению, следует заменить категорию «налоговой обязанности» на «налоговое обязательство». Тем самым это позволит наиболее точно выразить специфику и экономическое содержание налоговых правоотношений, а также отразит ответственность государства перед гражданами за свои действия. Все иные базовые обязанности российского налогоплательщика сопряжены с его основной обязанностью.

В целом оценивая перечень обязанностей плательщика налогов и сборов в ст. 23 НК РФ, можно сказать о достаточно логичном, последовательном и систематизированном закреплении положений неисчерпывающим образом. В первых пяти пунктах части первой статьи 23 НК РФ закреплены первоочередные обязанности, при отсутствии хотя бы одной из них теряется содержание налоговых правоотношений как таковых. Следующий пункт содержит обязанность предоставления документов, необходимых для исчисления и уплаты налогов.

Вместе с тем, например, в Налоговом кодексе Украины аналогичная обязанность детализируется в 3 пунктах, что, на мой взгляд, неоправданно, так как все они так или иначе связаны с предоставлением сведений относительно уплаты обязательных платежей, конкретизация которой будет целесообразна применительно к конкретным налоговым отношениям. Еще одна обязанность плательщика налогов касается его взаимоотношений с контролирующими органами и их должностными лицами (п.7 ч.1 ст. 23 НК РФ).

Российский законодатель в данном случае выбрал правильную формулировку поведения налогоплательщика, избегая излишней детализации в отличие от норм закрепленных в Налоговом кодексе Украины, которому не удалось дать исчерпывающий перечень возможных ситуаций в деятельности контролирующих органов и порядка поведения налогоплательщиков (пп. 16.1.8, 16.1.9, 16.1.13 п. 16.1 ст. 16 НК Украины) [3] [№ 06; Ст. 322].

Наконец, обязанность налогоплательщика, закрепленная в п. 8 ч. 1 ст. 23 НК РФ, которая заключается в обеспечении сохранении документов, необходимых для исчисления и уплаты налогов, может быть объединена с обязанностями, закрепленными в пунктах 5 и 6 относительно предоставления контролирующим органам соответствующей информации как необходимого и неотъемлемого элемента последних.

Далее в НК РФ закреплены отдельно дополнительные обязанности по отношению к базовым (ч.1 ст. 23 НК РФ) с учётом специфики налогоплательщиков (организаций, индивидуальных предпринимателей, физических лиц и др.). В иностранных государствах на налогоплательщика также возлагается выполнение определенных обязанностей, основополагающей из которых рассматривается уплата налога своевременно и в полном объеме. Кроме того, имеют место и иные обязанности: сотрудничать с налоговыми органами, представлять в надлежащий срок достоверную информацию и документы, вести необходимые учетные записи, что нашло полное воплощение в отечественном праве.

В данной статье рассмотрены лишь некоторые проблемные аспекты, связанные с правовым регулированием налоговых прав и обязанностей. В современных условиях отдельные положения правосубъектности могут быть предметом самостоятельного научного исследования. Определение круга обязанностей налогоплательщика имеет большое значение для реализации и защиты своих прав налогоплательщиком, применения ответственности и иных аспектов

Таким образом, правосубъектность налогоплательщиков субъектов «смещена» в сторону обязанностей, что все цело соответствует специфике налогового права и историческому развитию. В целом считаю, что правосубъектность налогоплательщиков в РФ соответствует законодательству большинства государств и потребностях отечественного правопорядка, и как следствие, не требуется кардинальных изменений отечественного налогового законодательства в этом вопросе. В России для начала на уровне налогового законодательства следует вернуться от конструкции «налоговой обязанности» к конструкции «налогового обязательства».

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // СЗ РФ. - 2014. № 31, ст. 4398.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // СЗ РФ, 1998, № 31, ст. 3824; 2017, № 1 (Часть I), ст. 16.
3. Налоговый кодекс Украины от 02.12.2010 № 2755-VI // «ДК» № 06 2016 (рус.).
4. Гусева Т.А. Налоговое планирование в предпринимательской деятельности: правовое регулирование. М., 2007. С. 234.

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам V международной заочной
научно-практической конференции*

№ 3 (5)
Апрель 2017 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 20.04.17. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,625. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
127106, г. Москва, Гостиничный проезд, д. 6, корп. 2, офис 213
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru